

NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№54/2021

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 24 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

ARTS

Opanasiuk O.

IDENTIFICATION, OR MODERN MUSICAL CULTURE IN
CONTEXT OF POLYSEMIC ACCENTUATIONS..... 3

HISTORICAL SCIENCES

Bespalov A.

THE FUNCTIONING OF THE REAR SUPPORT SYSTEM
OF THE SWEDISH ARMY DURING THE REIGN OF
CHARLES XI AND CHARLES XII (1660-1718)..... 12

JURISPRUDENCE

Kolesov V.

THE RELATIONSHIP BETWEEN CIVIL AND FAMILY LAW
AT THE BEGINNING OF THE THIRD MILLENNIUM 26

Pravdiuk A.

CONSTITUTIONAL BASE FOR UNIFICATION OF
TERRITORIAL COMMUNITIES 28

Feschin M.

REGARDING THE PECULIARITIES OF INTERROGATION
OF SUSPECTS, VICTIMS AND WITNESSES IN THE
INVESTIGATION OF PICKPOCKETING 36

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Nesprava M.

THE CHRISTIAN GUIDELINES FOR ECOLOGICAL
PHILOSOPHY..... 41

POLITICAL SCIENCES

Krylov D.

EFFECTIVE DESPOTISM IN THE TWENTY-FIRST
CENTURY PARADIGM (The amount of reflection) 50

ARTS

IDENTIFICATION, OR MODERN MUSICAL CULTURE IN CONTEXT OF POLYSEMIC ACCENTUATIONS

Opanasiuk O.

*Doctor of Arts, Professor
of the Boris Grinchenko Kyiv University
(Kyiv, Ukraine)*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ИЛИ СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИСМЫСЛОВЫХ АКЦЕНТУАЦИЙ

Опанасюк А.П.

*доктор искусствоведения, профессор
Киевского университета имени Бориса Гринченко
(Киев, Украина)*

DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-3-11](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-3-11)

Abstract

The article defines the fundamental points that determine the historical and meta-historical developments of musical culture. It analyses scientific concepts, construction patterns (Tetractys), makes analogies with the existence of various cultural and physical phenomena. This forms the polysematic structure for analyzing the definite topic of the article, contributes to the broader generalization of the musical-historical process, the deepening of ontology concerning the existence of modern culture and art, as well as the prognosis regarding their possible further development. At the same time, it is emphasized that the development of musical culture of the late XIXth to early XXth centuries is specified by the intentional style, which is modelled by the European culture in the conclusive – intentional – period of its formation. This style defines not only the peculiarities of the modern music's development, but also will keep until the moment when a strong and new-quality impulse emerges in the realm of global culture that would generate a new role of the global community's existence, including New Art and New Culture overall.

Аннотация

В статье рассматриваются фундаментальные моменты, которые определяют историческое и метаисторическое развитие музыкальной культуры. Анализируются научные концепции, структурные схемы (тетрактида), проводятся аналогии с существованием различных культурных и физических явлений. Это формирует полисмысловую структуру анализа темы статьи, способствует более широкому обобщению музыкально-исторического процесса, углублению онтологии относительно современного бытия культуры и искусства и прогнозирования их возможного дальнейшего развития. При этом подчеркивается, что развитие музыкальной культуры конца XIX – начала XX веков определяет интенциональный стиль, который Европейская культура моделирует в заключительный – интенциональный – период своего становления. Этот стиль определяет не только особенности развития современной музыки, но и сохраняет свою актуальность до того момента, когда в пространстве мировой культуры не возникнет мощный и качественно новый импульс, который создаст новое амплуа бытия мирового сообщества, включая новое искусство и новую культуру в целом.

Keywords: musical culture, intentionality, Tetractys, 5-millennia cultural meta-period, intentional style.

Ключевые слова: музыкальная культура, интенциональность, тетрактида, 5000-летний культурный метапериод, интенционный стиль.

1. Введение.

Размышляя над вопросом познания в музыке, цитируя музыкального теоретика Гвидо Аретинского, Юрий Холопов, спрашивает: что же Музыкус (музыкант-философ эпохи Средневековья) «должен был знать такого, чтобы музыкант-исполнитель, cantor-певец (или декламатор) мог сравниваться с издающим звуки животным (bestia)?» И оказывается, что Музыкус должен был знать «не «образное отражение в произведении общественно-исторической деятельности, типических человеческих чувств и переживаний», а видеть истину, и в первую очередь он «должен видеть «причины вечно существующих вещей» (Аристотель). Соответственно, постижение музыки должно простирается вплоть до конечных причин бытия» [20, с. 108–109].

То же самое можно сказать о современной музыкальной культуре, постижение которой должно включать в себя расширенную перспективу наблюдения за культурно-художественным развитием.

Следует также отметить, что современная музыкальная аналитика часто ограничивается традиционным подходом в исследовании художественных явлений. В то же время трудно назвать случаи, когда учитываются другие факторы анализа.

Например, часто не учитывается положение о том, что культура является живым общественным организмом с присущим ему процессуальным и структурным бытием. Не трудно понять, что художественные явления обусловлены процессуальностью культуры и особенностями ее развития в тот или иной период становления. Эти обстоятельства (процессуальность и структуральность культуры)

по-иному раскрывают их содержание и открывают гораздо более глубокую перспективу их познания.

Точно так же следует говорить о немумзыкальных факторах, актуализация которых расширяет горизонт наблюдения за культурным и художественным развитием, выстраивает долгосрочную перспективу для их анализа. В этой статье немумзыкальной основой являются факторы, которые объективируют сущностный уровень бытия музыкальной культуры.

Таким образом, *целью* данной статьи является определение фундаментальных моментов, которые обуславливают историческое и метаисторическое развитие современной музыки. Это способствует более широкому обобщению музыкально-исторического процесса, углублению его онтологии и прогнозированию дальнейшего развития музыкальной культуры.

2. Анализ литературы и проблематики темы статьи.

Трудно не согласиться с мнениями относительно общего кризиса современной культуры, искусства, цивилизации. В то же время следует отметить, что не существует единой методологии анализа развития культуры; не определена и точка отсчета, с которой можно анализировать последнее. Многочисленные публикации по этим вопросам направлены на изучение различных аспектов бытия культуры и искусства, на основе чего делаются соответствующие выводы, в том числе и прогнозируются их будущее развитие.

В частности, Зигмунт Бауман [3] указывает на культурный кризис в контексте краха структурированного определенными социальными условиями и обязанностями мира. Жан Бодрийяр [6] указывает на опустошение культуры и ее симулякры. Сэмюэл Хантингтон [19] рассматривает культурный кризис в контексте столкновения цивилизаций. Иммануил Валлерстайн [7] глобальный кризис культуры рассматривает в контексте кризиса исторической мировой системы, что указывает на «конец знакомого мира». Жан-Франсуа Лиотар [14] кризис культуры позиционирует на основе констатации краха нарративов и метанарративов, которые прежде определяли развитие общества.

К этим именам додам несколько работ, названия которых культурный кризис определяют на основе фиксации характерных для современности смысловых интенций: «Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки» [21], «Конец истории и последний человек» [18], «Кризис современного мира» [11], «Конец человеческой исключительности» [23], «Время Mortido» [13].

Не отрицая теории этих авторов, а также публикаций многих других ученых, работы которых не рассматриваются в данной статье, задам вопрос: возможно ли в контексте выявленных различных кризисных моментов увидеть более широкие горизонты и глубинные основания кризиса современной культуры?

На мой взгляд, глубинность наблюдения и определение глубинной причины кризиса современной культуры могут обеспечить метаисторические и метакультурные аспекты. А также актуализация факторов, способствующих онтологии культурного и исторического процесса.

Во-первых, метаисторические и метакультурные аспекты направляют внимание к исходному

импульсу в бытии культуры, без учета которого невозможно искать закономерности ее развития; во-вторых, они актуализируют вопросы процессуальности и структуральности, что объективирует содержание периодов развития культуры; в-третьих, эти аспекты позволяют понять глубинные основы существования современной культуры и искусства.

Если в контексте сказанного обратиться к исследованиям музыкальной культуры XX – начала XXI века, то можно отметить аналогичную ситуацию. Говорится о ранее (до XX века) не известном стилистическом разнообразии музыки, сосуществовании разных за содержанием и временем формирования культурно-художественных явлений, развитии нео-, поли-, пост- и квази-явлений, достижении пределов развития средств музыкальной выразительности, тотальной релятивности и т. п.

В частности, Юрий Холопов путем анализа динамики развертывания числовых показателей музыкальных интервалов в пространстве европейской музыкальной культуры приходит к выводу об исчерпании исходного импульса и тотальном использовании диссонирующих звучаний в XX веке: «...Любопытно, что смена коэффициентов в общем совпадает с переходом к новой художественной эпохе: 3 = Средневековье, 5 (...) = Возрождение (точки в скобках обозначают связанное применение диссонанса – 7, 9), 5 (7, 9) – Новое время, 7 – 15 = XX век. История музыки оказывается реализацией запрограммированного (кем? – Создателем?) единого “генетического кода” музыки как целого» [20, с. 114].

Очевидно, что изложенная динамика развития истории музыки (в рамках процессуальности Европейской культуры) верна, но Юрий Холопов не отвечает на вопрос: что вызвало периодические изменения в пространстве европейской музыкальной культуры? И можно ли на таком основании говорить о закономерности развития музыкально-исторического процесса и о том, что они (закономерности) предполагают?

Теодор Адорно отмечает, что прогресс музыки развивается «по направлению к полной свободе субъекта». И если в прошлом музыка была обусловлена рациональной философией, то в XX веке эта определенность «сделалась для музыки обузой, и фактически ее так и не удалось разрешить средствами чистой логики» [1, с. 223–224].

Татьяна Чередниченко [22] говорит о замедлении развития музыки в XX веке. Тринадцатая лекция так и называется: «Новая музыка двадцатого века. Замедление истории». В то же время автор лишь подчеркивает «взаимную потребность вчерашнего и завтрашнего дня» в современной музыке и не пытается анализировать глубинные причины такой ситуации.

Алекс Росс [17] дает образное название своей книги: «Дальше – шум. Слушая XX век». Анализируя и описывая различные стили и направления музыкальной культуры XX века, опираясь на определение содержания музыки Джона Кейджа в контексте явления шума, американский музыкальный критик музыку двадцатого века рассматривает как «организованный шум», и ее будущее видит в контексте шума. Можно отметить оригинальность идеи рассматривать современную музыку в контексте шума. Однако какое обстоятельство определяет ее «шумовую» природу? Ведь музыкальный «шум»

прошлых веков значительно отличается от нынешнего. Очевидно, что предсказание развития музыки на такой «шумовой» основе не проясняет суть вопроса о будущем музыки.

В то же время следует отметить, что традиционная наука не всегда способна определить истинную природу культурно-художественных явлений современности, увидеть их глубинное основание, потому что для этого необходимо сдвинуть угол наблюдения с исторической точки зрения, с ракурса определенной эпохи по направлению к процессуальности, структуральности культуры, метакультуры и метаисторического становления.

В начале XX века в «Логических исследованиях» Эдмунд Гуссерль провозглашает лозунг «Назад, к предметам» (позже эта фраза фигурирует в других работах философа), имея ввиду необходимость пересмотра знаний, приобретенных в прошлые века, и постижение истинной сущности вещей:

«...Мы хотим вернуться к “самим вещам”. На основе развернутых во всей своей полноте созерцаний мы хотим прийти к очевидности того, что данное при актуально осуществленном здесь абстрагировании поистине и действительно таково, каковым его подразумевают значения слов, выражающих закон...» [12, с. 11].

Логичным есть вопрос: почему ни один из философов предыдущих столетий не провозглашал такого лозунга? Эдмунд Гуссерль чувствовал необходимость актуализации интроспективных действий, но причиной таких прозрений есть то, что за его спиной «стояла» культура; и можно утверждать, что именно она инициировала позицию: назад, необходимо проанализировать то, что осуществило развитие, нужно определить возможные параметры нового становления.

Следующий пример показывает, каким образом с помощью только актуализации фактора процессуальности культуры и интерпретации ее как живого общественного организма открывается новая перспектива в онтологии.

В 1918 году Освальд Шпенглер публикует первую часть трактата «Закат Европы», в котором отмечается, что на рубеже XIX–XX веков Европейская культура как живой социальный организм («Культуры суть организмы... История культуры есть поступательное осуществление ее возможностей» [24, с. 262]) переходит к фазе старости, что соответствующим образом влияет на культурные и художественные явления этого периода. Показательным есть следующее определение импрессионизма:

«...Говорят об импрессионизме, ничего не смысла в объеме и более глубоком смысле этого понятия. Его выводят из последнего осеннего цветения искусства... Что же случилось? Не свидетельствует ли эта перемена (возникновение в Европейской культуре импрессионизма. – А. О.) о том, что незаметно переставилась как раз душа (культуры. – А. О.)... Отсюда следует – горькое признание, – что западное изобразительное искусство непреложным образом пришло к концу... Фаустовское искусство умирает» [24, с. 464, 467, 473].

Таким образом, импрессионизм определяется не в контексте критической реакции на романтизм, что характерно для традиционного дискурса и что в определенной степени верно, а на основе актуали-

зации процессуального бытия культуры, фаза старости которой объясняет причины возникновения и глубинное содержание импрессионистической рефлексии.

В то же время можно утверждать, что импрессионизм как стиль принадлежит к более широкому явлению – к интенционализму культуры, или к интенциональному стилю [15, 16], который она формирует в заключительный период своего становления и особенности которого (интенционального стиля) на уровне феноменологического сосредоточения на завершенных культурно-художественных явлениях выражает импрессионизм.

Объясню это на примерах. В прелюдии Клода Дебюсси «Послеполуденный отдых фавна» («L'Après-midi d'un faune», 1894) стилевая основа импрессионизма очевидна, но его содержание определяет интенционально-феноменологическое сосредоточение на музыкальных смыслах романтизма.

Очевидно, что это нельзя однозначно трактовать как отрицание последнего. Эта рефлексия обусловлена утратой актуальности романтизма для нового – заключительного – периода становления культуры и необходимостью анализировать достигнутое, в контексте которого романтизм также принадлежит прошлому. Тоже самое можно сказать и по отношению к фортепианной пьесе «Остров радости» («L'Isle joyeuse», 1903–1904), фортепианным прелюдиям (1910–1913). То есть можно сказать, что в работах конца XIX – начала XX веков Дебюсси выразил актуальную для культуры интенцию относительно феноменологического познания ее свершившегося бытия.

Нечто иное встречаем в сочинениях Мориса Равеля («Отражения» / «Miroirs», 1905; «Ночной Гаспар» / «Gaspard de la nuit», 1908; «Благородные и сентиментальные вальсы» / «Valses nobles et sentimentales», 1911): импрессионистическая рефлексия сохраняется, но она дополняется некоторыми другими стилевыми рефлексиями – главным образом неоклассицизма, что дает основание позиционировать музыкальную поэтику Равеля (в этих сочинениях) в контексте принципов интро-ретроспекции и компиляции, частично – феноменологизма.

В общем, на такой культурной основе содержание творчества выдающихся импрессионистов Клода Дебюсси и Мориса Равеля выявляет гораздо большие смыслы, чем когда мы будем ограничиваться традиционным принципом анализа их музыки.

Ниже предлагается авторская концепция, не имеющая аналогов в современной науке. Она учитывает исторические и метаисторические принципы исследования музыкальной культуры, факторы процессуальности и структуральности, подчеркивает важность немusical факторов.

Немузыкальную основу анализа музыкальной культуры в этой статье определяют следующие актуализированные моменты и аспекты: 5000-летний темный период Кали-Юги, эры Рыб и Водолея, «ключевые срезы» Карла Ясперса, теория форм искусства Георга Гегеля, фундаментальная структура тетрактиды, процессуальное и структуральное бытие культуры.

Очевидно, что нет надобности анализировать работы Георга Гегеля, Карла Ясперса, анализировать и характеризовать указанные явления, потому что их содержание хорошо известно. В процессе рассмотрения определенных моментов предполагается ссылка на работы некоторых других авторов, которые дополнительно кратко анализируются.

Дискурс статьи иллюстрирует размещенный ниже Рисунок, который предложен в моей монографии [15, с. 133]; его схема отражает фундаментальные моменты в развитии культуры и искусства, позволяет определить глубинные основания в бытии современной музыкальной культуры, понять перспективу ее возможного дальнейшего развития.

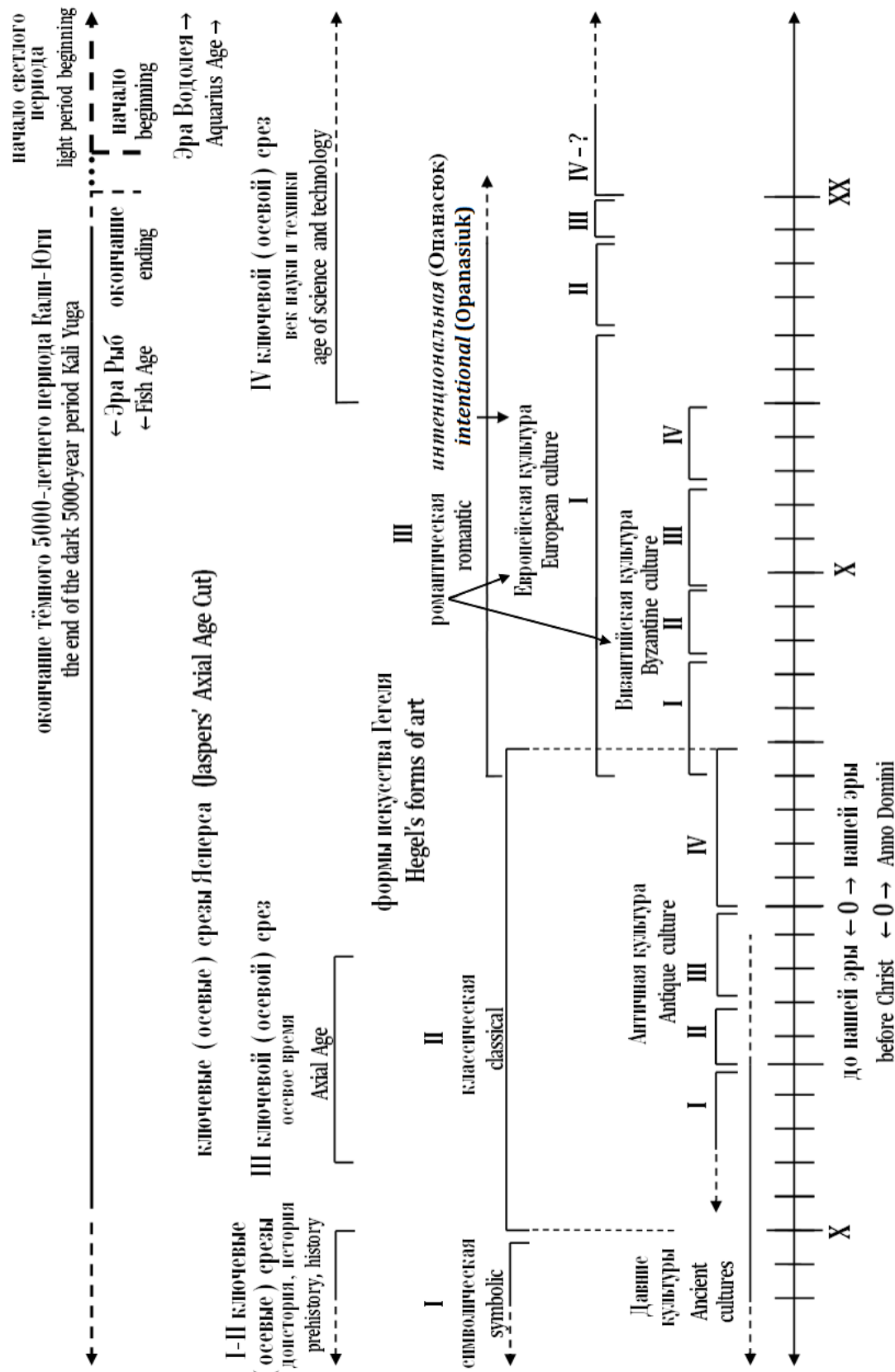

Рисунок. Схема полилинейно-полиластового бытия культуры в последний 5000-летний метанерод
Picture. The scheme of poly-linear poly-layer poly-wave being of culture in the last 5000-year meta-period

3. Изложение основного материала статьи.

Прежде чем начать дискурс о фиксированных явлениях на схеме Рисунка, необходимо объяснить причину выделения 5000-летнего периода в определенную структурно-смысловую единицу.

Если попытаться определить степень нашей культурной компетентности в широких исторических границах, мы должны согласиться, что главным образом можем уверенно говорить о культурных артефактах примерно последних трех-пяти тысяч лет. Еще более давние культурно-художественные явления нам мало известны. При этом культуры Древнего Египта, Древней Индии, Древнего Китая, Палестины, Древней Греции, Древнего Рима, Византийская, Европейская культуры образуют своего рода линию мегаразвития – метaperиода, временные рамки которого можно определять в пределах последних пяти тысяч лет. Другие метакультуры (Северная и Южная Америки, Африканский регион) принадлежат к иным условиям развития, иному и неизвестному нам метаисторическому бытию (такого метaperиода мы не знаем, а то, что знаем, дает основание связывать эти культуры с очень древними культурными интенциями в их инволюционном и консервированном виде). Эта линия культурного развития в статье не рассматривается.

Таким образом, выделение 5000-летнего периода в определенную структурно-смысловую единицу связано с намерением определить более или менее четкие границы становления мировой культуры за последние тысячелетия, что позволяет проводить соответствующий анализ.

Вместе с тем предлагается ориентироваться на конец IV тыс. до н. э. – 3102 год до н. э., когда, как указывает древнеиндийская философия, началась эра Кали-Юги (Тёмная / Железная эра), а также на переодическую последовательность светлых и тёмных эпох в пространстве определенной космогонической эры.

В контексте Кали-Юги, в пределах которой совершается и далее будет развиваться наше культурное бытие – Кали-Юга будет длиться 432000 лет [5, с. 227], – эзотерическая философия предполагает последовательную смену тёмного метaperиода (тёмной эпохи) длительностью в пять тысяч лет и такого же светлого метaperиода (светлой эпохи).

Желательно иметь в виду и такие сведения: «...Сейчас Кали-Юга верховно властвует в Индии и, видимо, совпадает с Кали-Югой Западного Века» [4, с. 97–98]. Это подчеркивает, что 5000-летний метaperиод можно рассматривать как метапространство мировой культуры, в котором совершаются наиболее знаковые для указанных культур культурные и метакультурные события.

На схеме Рисунка изображены разные культурные и физические явления, которые определяют содержание процессуального бытия культуры и искусства. Можно утверждать, что эта схема иллюстрирует объективный процесс их исторического и метаисторического становления. Таким образом, динамика развития 5000-летнего метaperиода, со-

ставляющих его культур и метаисторическое развитие искусства являются объективной реальностью, что невозможно отрицать.

Линия завершения темного 5000-летнего периода Кали-Юги и начала светлого периода определяет содержание всей схемы Рисунка; она указывает на то, что наше бытие в этом мегапространстве соотносится со смысловым означиванием «тёмный». Если наиболее высшие за последние пять тысяч лет достижения мирового сообщества в области музыки (искусства) лежат в этой «тёмной» плоскости, то какой должна быть истинная музыка и какого уровня она может достичь в следующий – светлый – период (но в тех же границах эры Кали-Юги)?! Поистине, есть над чем замислиться!

Завершение эры Рыб и начало эры Водолея конкретизирует ожидаемые изменения: природа эры Водолея обусловлена характерными для нее особенностями, которые определяют будущее бытие. Очевидно, что содержание искусства (в том числе и музыки) в эпоху Водолея будет значительно отличаться от их развития в эпоху Рыб.

Философ-эзотерик и астролог Микаэль Айванхов говорит: «Водолей – знак воздуха – представляет человека, а значит мысль, знание. Эпоха Водолея будет эпохой знания, но не иссушающего знания интеллектуалов... Символ Водолея – старец, льющий воду из сосуда. Этот старец есть мудрость... Знание Водолея – знание, приносящее жизнь, пробуждающее жизнь» [2, с. 7–8]. Таким образом, можно предполагать, что основой будущей музыки также будет *мудрость*, то есть такое ее понимание, которое будет исходить не из продуцирования субъективных и не всегда до конца осознанных художественных образов, что по большей части определяет содержание европейской музыки, а с интенции на познание глубинной сущности Человека, как и бытия Мира в целом.

В то же время следует понимать, что хотя существуют временные различия в определении завершения эры Рыб и начала эры Водолея (начало эры Водолея определяют в пределах от конца XIX до XXII веков), важен сам процесс эпохальных изменений.

Линия процессуального бытия 5000-летнего культурного метaperиода (нижняя линия схемы Рисунка с размещенными над ней линиями развития культур, тремя формами искусства Георга Гегеля и доданной мною четвертой – интенциональной – формой) определяет динамику становления 5000-летнего культурного метaperиода и входящих в него культур. Она показывает направление становления метaperиода и кристаллизирует его четыре периода развития: символический, классический, романтический, интенциональный.

Если взять во внимание Двапара-Югу, завершение которой приходится на конец IV тыс. до н. э., то содержание интенции 5000-летнего метaperиода проясняется. Можно утверждать, что его содержание определяют отдаление от светлой эры (за качественными показателями Двапара-Юга, которую еще называют Медным веком, выше Кали-Юги,

или Железной эры) и движение по направлению к поиску утраченных высот (начало нового светлого периода – конец верхней горизонтальной линии схемы Рисунка – свидетельствует о необратимости такого развития). Все это отражается в Европейской культуре, в пространстве которой сосуществуют завершённое становление метапериода и очерчиваются новые импульсы возможного рождения новой культуры (метакультуры).

Линия процессуального бытия 5000-летнего метапериода дает возможность понять динамику и структуру развития (музыкального) искусства в этом метапространстве, определить содержание образных типов указанных на схеме Рисунка культур (фактически, определение расположенных над нижней линией культур с помощью означиваний «символический», «классический», «романтический», «интенциональный» можно рассматривать как образную типологию этих культур).

Культурно-историческую концепцию Георга Гегеля – имеется ввиду «Эстетика» немецкого философа [8–10] – можно рассматривать как теорию, которая на историческом и метаисторическом уровнях обобщает содержание становления искусства и определяет динамику его развития: Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай в общем выражают содержание символического типа формирования (символической формы искусства); культура Древней Греции соотносится с классическим типом (классической формой искусства), Византийская и Европейская культуры – с романтическим типом (романтической формой искусства).

Таким образом, теория Георга Гегеля подтверждает высказанную мысль о том, что культурно-художественное развитие за последние пять тысяч лет обуславливает некая мегаинтенция. В то же время была предложена четвертая – интенциональная – форма искусства [15]. Очевидно, что это предложение не могло не учитывать вопросы метаисторического развития искусства и определение структуры его бытия (этот аспект рассматривается ниже).

«Ключевые срезы» Карла Ясперса. На первый взгляд, «ключевые срезы» («осевые срезы») Ясперса не имеют ничего общего с онтологией истории музыки. Однако, если эти срезы существуют в пространстве культурного метапериода (с чем трудно не согласиться), то они не могут не влиять на культурный процесс.

Более того, схема Рисунка показывает, что общественные сдвиги («ключевые срезы») совпадают с появлением новых культур, культурных эпох, что в целом определяет новые принципы культурно-художественного развития. Таким образом, осознание этих моментов уже выводит онтологию на более высокий уровень: культура, культурные и художественные явления могут рассматриваться в контексте присутствия в (культурном) мегапространстве *смысловых волн*, что способствует обобщению музыкальной культуры на иной основе, нежели на основе анализа музыкально-исторических, стилевых, жанровых, выразительных и т. п. явлений.

Следующее. Хотя каждый с четырех «срезов» обладает (условно) автономным смыслом и в пространстве мировой культуры направлен на формирование определенных интенций, что соответствующим образом повлияло на развитие мирового сообщества, их последовательное развитие дает основание гипотетически утверждать, что «ключевые срезы» предполагают и процессуальность. В этом контексте интересную перспективу выявляет сопоставление «ключевых срезов» с теорией форм искусства Георга Гегеля. Хотя о прямых аналогиях можно говорить условно, однако каждую позицию можно рассматривать в процессуальной перспективе. Карл Ясперс утверждает, что мировая культура предполагает четыре импульса, или же основы, для развития:

«Сначала от доистории, от едва доступной нашему постижению прометеевской эпохи (возникновения речи, орудий труда, умения пользоваться огнем), когда он только становится человеком»; «Во втором случае от возникновения великих культур древности» (то есть начиная с V–III тыс. до н. э., с чем соотносится начало мировой истории); «В третьем – от осевого времени, когда полностью формируется подлинный человек в его духовной открытости миру» (что определяется в пределах 800–200 годов до н. э.); «В четвертом – от научно-технической эпохи, чье преобразующее воздействие мы испытываем на себе» [25, с. 53] (то есть начиная с эпохи Возрождения).

Современное знание о культуре, о давних великих цивилизациях, существовавших десятки и сотни тысяч лет тому назад (Гиперборея, Лемурия, Атлантида), ставит под сомнение однозначность определения темпоральной основы первых двух «ключевых срезов» в пределах последних шести тысяч лет. Вместе с этим, I и II «ключевые срезы» условно можно рассматривать в контексте символического типа формирования, или символической формы искусства Георга Гегеля, III и IV – классического и романтического типов формирования, или классической и романтической форм искусства.

Интересное содержание открывается, если мы сопоставим четвертый «ключевой срез» с процессуальностью Европейской культуры. Если сравнить ее развитие до эпохи Возрождения с другими культурами, мы не увидим существенной разницы в формировании художественного образа, поскольку в каждой из них утилитарный принцип так или иначе был определяющим.

Но, «...начиная с 1500 года, Европа вступает на путь своего неведомого ранее продвижения вперед...». Совершается создание «новой западной культуры, которое началось еще до Возрождения и шло со все возрастающей силой» [25, с. 79, 84]. Отсюда принципы моделирования художественного образа кардинально меняются: они обусловлены интенциями на инновации и поиске необходимых средств выразительности. Можно также утверждать, что оригинальность и самобытность художественной палитры Европейской культуры следующих

столетий ее развития обусловлены именно четвертым «ключевым срезом».

Тетрактида. На схеме Рисунка динамику схематически изображенных явлений (за исключением верхней линии тёмного периода Кали-Юги) определяют четыре фазы их развития. Это значит, что 5000-летний культурный метaperиод и принадлежащие к нему культуры можно рассматривать в контексте структурно-смысловых параметров тетрактиды.

Если взять во внимание, что: 1) единица (в структуре тетрактиды) и символическая форма (в становлении идеи, по Г. Гегелю) выражают начальное содержание развития явления; 2) двойка (паритетное уравнение: $1+1$) и классическая форма выражают адекватное воплощение идеи или образа в материи, где достигается их идентичность (классическая согласованность содержания и материала, в пределах которого происходит развитие); 3) тройка (в структуре тетрактиды) и романтическая форма знаменуют означивание развития явления, и что третий этап – это слом траектории, вследствие чего проективное развитие начинает переходить к экстенсивной плоскости; 4) четвёрка в структуре тетрактиды обозначает и четвертый этап развития и новую единицу, что указывает на завершенность становления и проекцию возможного развития нового явления, то нетрудно понять два важных момента.

Первый состоит в том, что любые явления – будь-то культура, метакультура, эпоха, художественное произведение, всегда будут предполагать *траекторию* становления, *структуру* развития которых будет определять и детерминировать тетрактида. Второй момент указывает на то, что заключительный этап всегда будет нацелен на обобщение процесса становления, его анализ и проекцию возможного нового развития.

Хотя Георг Гегель не говорит о четвёртой форме искусства, но в то же время констатирует факт, что после завершения становления развитие обращается «против того содержания, которое одно до сих пор обладало значимостью» [9, с. 316], что и можно соотносить с четвёртой формой искусства. К этому нужно добавить, что на четвёртом этапе развитие полностью подчиняется принципу экстенсии, нацелено на исследование предыдущего и проекцию возможного нового развития. Очевидно, что такие особенности формирования соотносятся с новой формой, которая в моих работах определена как интенциональная.

Отсюда динамику 5000-летнего метaperиода можно определить следующим образом: древние культуры развивались в контексте смысловых означиваний символического типа формирования (символической формы искусства), Античная культура – классического типа (классической формы искусства), Византийская культура – романтического / романтически-смыслового типа (романтической формы искусства), Европейская культура развивается в контексте смысловых означиваний интенционального / интенционально-романтического типа

(интенциональной формы искусства), что и выражает содержание структурно-смысловых параметров тетрактиды. Кроме этого, процессуальность Античной, Византийской и Европейской культур также можно определять на основе структуры тетрактиды.

Относительно Европейской культуры можно говорить о символическом (Средневековье, Возрождение – V–XVI века), классическом (Новое время, Просветительство – XVII–XVIII века), романтическом (культура XIX век), интенциональном (культура конца XIX – начала XXI век) периодах ее становления [15, с. 148–157].

Согласно авторской *концепции интенционализма культуры и искусства*, процессуальность Европейской культуры не только предполагает четыре периода развития, но и четыре универсальных стиля (символический, классический, романтический, интенциональный), которые последовательно возникают в каждом периоде и соответствующим образом детерминируют ее художественное развитие.

Определение динамики процессуального бытия Европейской культуры дает возможность понять характерные особенности четвёртого – интенционального – периода и интенционального стиля.

В отличие от символического, классического, романтического стилей, соотносящихся с одноименными периодами Европейской культуры и содержание которых определяет проективное развитие, интенциональный стиль есть компилянт их смысловых и стилевых означиваний. В то же время надо понимать, что этот стиль отмежевывается от предыдущего культурно-художественного развития, потому что оно уже выявило свои характерные означивания и смыслы. Соответственно, он деформирует эти смыслы, сдвигает внимание к периферии бытия культурно-художественных явлений, продуцирует разного рода художественные образы, базирующиеся на принципах интро-ретро-спекции и компиляции. Ведь интенциональный стиль призван совершить анализ завершенного бытия и выстроить основание для возможного нового культурного становления [15, 16]. Не требует объяснения и то, что все культурно-художественные явления заключительного периода Европейской культуры так или иначе будут обусловлены интенциональным стилем.

Вертикальный срез в правой части схемы Рисунка фиксирует момент завершения разного рода и темпоральной протяжённости культурных и физических явлений и начало возможного нового метакультурного развития. Это значит, что то культурное бытие, которое мы наблюдаем сегодня, есть результатом закономерного развития 5000-летнего метакультурного метaperиода. Вот что на самом деле определяет глубинные основания как метаисторического развития культуры и искусства, так и современного.

4. Выводы.

В исторической перспективе мировая музыка развивалась в контексте мегаимпульса, сгенериро-

вавшего бытие культурного метапериода, темпоральные границы которого условно можно определить в пределах пяти тысяч лет. Его становление кристаллизует символический, классический, романтический, интенциональный периоды развития, которые можно соотносить с аналогичными формами искусства. Эти периоды и формы искусства поочередно определяли содержание развития и характерные особенности искусства древних, Античной, Византийской и Европейской культур.

Процессуальность 5000-летнего культурного метапериода, Античной, Византийской и Европейской культур определяет фундаментальная структура тетрактиды.

В то же время, на развитие культуры и искусства оказывали влияние разные физические явления, из которых в статье указаны известные нам первый тёмный период Кали-Юги, эра Рыб и те явления, которые Карл Ясперс определяет как I–IV «ключевые срезы».

Есть основания утверждать: а) мегаимпульс, сгенерировавший развитие 5000-летнего культурного метапериода, исчерпал себя; б) содержание современной культуры и искусства определяет завершение разного рода физических и культурных явлений, что указывает на тектонический слом, неизбежность больших перемен и начало возможного нового метакультурного становления.

Хронотоп Европейской культуры, которая была выразителем проективных действий в мировой истории за последние два тысячелетия, объясняет ее функцию в метакультурном пространстве – она завершает метакультурное бытие.

Европейская культура полностью раскрыла свои атрибуты, в том числе реализовала образно-смысловые потенции в отношении моделирования художественных явлений, и сейчас пребывает в фазе завершённого формирования, что соответствующим образом определяет развитие музыкального искусства. Очевидно, что в последующие десятилетия и столетия культурное бытие будет совершаться в плоскости постсуществования.

Это значит, что интенциональный стиль и далее будет определять развитие музыкальной культуры и искусства в целом. При этом, возможным есть возникновение различных новых художественных образований, но которые не смогут претендовать на качественно новые формы художественного бытия. Последнее станет возможным с появлением мощного нового мегаимпульса в пространстве культуры, который ожидается и который сгенерирует новое амплуа будущего развития мирового сообщества, включая новое искусство и новую культуру в целом.

Можно предполагать, что основой новой музыкальной культуры будет духовная музыкальная риторика с четко определенными параметрами функционирования произведений искусства, что будет предусматривать и формирование новой музыкальной онтологии, главным образом направленной на познание глубинной сущности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адорно Т. Философия новой музыки. Перевод с немецкого / Перевод Б. Скуратова. Вст. ст. – К. Чухрукидзе. М. : Логос, 2001. 352 с.
2. Айванхов М. Водолей и пришествие Золотого Века. Книга первая. Москва : Просвета, 2009. 296 с.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
4. Блаватская Е. П. Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии. В 2 т., 4 кн. Т. 1, кн. 2. Космогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих; подгот. текста В. Э. Жигота. Минск : Маст. літ., 1993. 479 с.
5. Блаватская Е. П. Теософский словарь. Москва : Золотой Век, 1994. 600 с.
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Перевод с французского А. Качалова. М. : Постум, 2015. 240 с.
7. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. Под ред. В. И. Иноземцева. М. : Логос, 2003. 368 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : В 4-х томах. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; под ред. с предисл. М. Лифшица]. – М. : Искусство, 1968. – 312 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : В 4-х томах. Т. 2 / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; под ред. с предисл. М. Лифшица]. – М. : Искусство, 1969. – 328 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : В 4-х томах. Т. 3 / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; под ред. с предисл. М. Лифшица]. – М. : Искусство, 1971. – 624 с.
11. Генов Р. Кризис современного мира / Пер. с франц. Н. Мелентьевой. М. : Эксмо, 2008. 784 с.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1.: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М. : Академический Проект, 2011. 565 с.
13. Кутырёв В. А. Время Mortido. СПб. : Алетейя, 2012. 336 с.
14. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
15. Опанасюк О. П. Інтенціональність у просторі культури: мистецтвознавчий, культурологічний та філософський аспекти: монографія. Видання 3-є, виправлене. Київ : Освіта України, 2020. 472 с.
16. Опанасюк А. П. К определению интенционального стиля искусства // Обсерватория культуры. Москва : ФБГУ, Российская государственная библиотека, 2014. № 3. С. 4–10.
17. Росс, Алекс. Дальше – шум. Слушая XX век / Пер. с англ. М. Калужского, И. Гиндиной. М. : Астрель : CORPUS, 2015. 560 с.
18. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ : ЗАО НПП Ермак, 2005. 588, [4] с.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева; под общ. ред. К. Королева и Е. Кривцова. М. : АСТ, 2014. 571, [5] с.
20. Холопов Ю. Н. О формах постижения музыкального бытия // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 106–114.

21. Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. Жуковой. СПб. : Амфора, 2001. 479 с.

22. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры. Том 1–2. М. : Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994. 390 с.

23. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

24. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1993. 663, [1] с.

25. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории ; [Сост. М. И. Левиной, П. П. Гайденко; пер. с нем. М. И. Левиной]. 2-е изд. Москва : Политиздат, 1991. С. 28–286.

HISTORICAL SCIENCES

УДК. 94(41/99)

THE FUNCTIONING OF THE REAR SUPPORT SYSTEM OF THE SWEDISH ARMY DURING THE REIGN OF CHARLES XI AND CHARLES XII (1660-1718)

Bespalov A.

Academy of State Fire Service EMERCOM of Russia, Professor of the Department of History and Economic Theory, Associate Professor, PhD in History, Moscow, Russia

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ШВЕДСКОЙ АРМИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ КАРЛА XI И КАРЛА XII (1660-1718 ГГ.)

Беспалов А. В.

Академия государственной противопожарной службы МЧС России, профессор кафедры истории и экономической теории, доцент, доктор исторических наук, г. Москва, Россия

DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-12-25](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-12-25)

Abstract

Based on the analysis of Swedish, Latvian, Estonian archival documents, reference books and an array of previously published works, the article describes the functioning of the rear support system of the Swedish army during the reign of Charles XI and Charles XII (1660-1718).

This article can be useful for researchers, teachers, adjuncts, listeners and students of humanitarian educational institutions studying the course of disciplines: "General history", "Military history", "History of international relations".

Аннотация

В статье на основе анализа шведских, латышских, эстонских архивных документов, справочников и массива, ранее опубликованных работ, рассказывает о функционировании системы тылового обеспечения шведской армии в царствование Карла XI и Карла XII (1660-1718 гг.).

Данная статья может быть полезна научным работникам, преподавателям, адъюнктам, слушателям и студентам гуманитарных образовательных учреждений, изучающих курс дисциплин: «Всеобщая история», «Военная история», «История международных отношений».

Keywords: king, analysis, absolutism, Sweden, home front.

Ключевые слова: король, анализ, абсолютизм, Швеция, тыл.

До первой трети XVII в. в шведской армии отсутствовала централизованная система снабжения войск. В первую очередь это было вызвано тем, что большая их часть состояла из иностранных наемников, которые служили за определенную плату. В среднем она составляла 5 риксдаллеров в месяц. За эти деньги наемник должен был приобретать оружие, снаряжение и продовольствие. Закупка продовольствия по фиксированным ценам производилась у маркитантов, которые следовали за каждым полком. Это приводило к тому, что на походе части были обременены большим количеством повозок с имуществом и продовольствием для наемников. На пехотную роту в 200 человек приходилось от 20 до 40 повозок, а на кавалерийский эскадрон в 500 человек - 100 повозок. К этому следует добавить, что выплата жалованья наемникам проводилась крайне нерегулярно, что приводило к бунтам последних и переходу их на сторону противника.

Солдаты, набранные непосредственно в Швеции, получали меньшее денежное содержание, чем иностранные наемники, но зато их снабжение шло за счет ленов и, было более регулярным. Во время войны широко применялись реквизиции продовольствия и фуража у местного населения.

Централизованная система снабжения шведской армии впервые была создана при Густаве II Адольфе. Для обеспечения регулярности снабжения войск создавались склады фуража и продовольствия, а также обеспечивалась своевременная доставка провианта в воинские части. Так появились базы и коммуникации. Норма выдачи довольствия в сутки на одного человека состояла из 800 г хлеба и 400 г мяса. Суточная дача на лошадь составляла 2,5 кг овса или 1,6 кг ячменя, 4 кг сена и соломы [20. Р.48]. Тогда же была предпринята попытка стабилизации курса национальной валюты приравняв серебро к ценам на медь.

Таблица 1.

Официальные курсы обмена шведских денежных единиц в 1575—1619 годах [18. Р.133-238]

Дата	Официальный курс обмена	Причина
12 мая 1575	1 далер = 4 новым маркам (действовало до 1589 года) 1 новая марка = 6,5 старых в монетах 1571—1574 годов 1 новая марка = 3,25 старых в монетах 1570 года 1 новая марка = 2,375—2,75 старых в монетах 1569 года 1 новая марка = 1,25—1,625 старых в монетах времён правления Эрика XIV (1560—1568)	Замена старых марок на новые
12 января 1593 года	1 новая марка = 4 старым в монетах 1591—1592 годов номиналом в 1 марку и 2 эре 1 новая марка = 2 старым в монетах номиналом в ½ эре 1 новая марка = 1⅓ старым в монетах 1590 года, и монетам номиналом в 2 и ½ марки 1591—1592 годов 1 новая марка = 1 старой в монетах до 1590 года 1 далер = 4 маркам 1 серебряный далер = 4,5 марки = 1,125 далер	Замена старых марок на новые
7 сентября 1619 года	1 риксдалер = 52 эре = 6,5 марки = 1,625 далера	

Увы, хотя данная реформа и дала свой положительный эффект, но он был временным из-за огромных расходов на армию. При доходах бюджета в 1300000 риксдаллеров в 1629 году, армия съедала до 11 00000 риксдаллеров, то есть 90 % бюджета. Таким образом, Швеция могла вести войну только за счет предоставления иностранных субсидий, в первую очередь от Франции и ограбления территорий на которых её армия вела боевые действия.

После крайне тяжелой Сконской войны (1675-1679 гг.) и неудачного участия Швеции на стороне Франции в войне с коалицией европейских стран в 1672-1679 гг. финансовое положение королевства стало катастрофическим. Это не замедлило сказаться и на уровне боеспособности армии. Король

Карл XI (1660-1697 гг.) был вынужден изыскивать средства внутри государства. Опираясь на поддержку податных сословий, низшего дворянства и части сановников-аристократов, король добился решения о редукции земель, т.е. пересмотра земельных пожалований дворянству. Редукция проводилась строго и к 1700 г. дворянское землевладение уменьшилось вдвое. Особенно рьяно королевские чиновники проводили редукцию в Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии и Карелии, что вызвало сильный протест остзейского дворянства. Вместе с тем, королю Карлу XI удалось не только поправить финансовое положение королевства, но и получить в казну большие доходы.

Таблица 2.

Официальные курсы обмена шведских денежных единиц в 1665—1718 годах [18. Р.133-238; 15. Р.138-180]

Дата	Официальный курс обмена	Причина
1675 год	Золото Дукат = 4 риксдаллера серебром = 12 даллеров медью 1/4 дуката = риксдаллер серебром = 3 даллера медью Серебро Риксдаллер = 6 марок = 96 эре (3 медных даллера = 288 медных эре) 8 марок = 54 эре (4 медных даллера = 384 медных эре) 4 марки = 24 эре (2 медных даллера = 192 медных эре) 2 марки = 12 эре (1 медный даллер = 96 медных эре) 1 марка = 6 эре (1/2 медных даллера = 48 медных эре) 5 эре = 40 эре медью 4 эре = 32 эре медью 2 эре = 16 эре медью 1 эре = 8 эре медью Медные (серебром) 8 даллеров 5 даллеров 4 даллера 3 даллера 2 даллера Даллер	Замена старых марок на новые

	$\frac{1}{2}$ даллера $2\frac{1}{2}$ эре 1эре $\frac{1}{2}$ эре $\frac{1}{6}$ эре	
1700-1718 годы	Золото 2 дуката=8 риксдаллеров серебром= 24 даллера медью Дукат = 4 риксдаллера серебром= 12 даллеров медью $\frac{1}{2}$ дуката= 2 риксдаллера серебром= 6 даллеров медью $\frac{1}{4}$ дуката =риксдаллер серебром= 3 даллера медью Серебро Риксдаллер=6 марок =96эре (3 медных даллера= 288 медных эре) 8 марок=54 эре (4 медных даллера=384 медных эре) 4 марки=24 эре (2 медных даллера= 192 медных эре) 2 марки=12 эре (1 медный даллер=96 медных эре) 1 марка=6 эре ($\frac{1}{2}$ медных даллера=48 медных эре) 4 каролина = 2 даллера серебром=12 эре серебром 2 каролина= даллер серебром= 6 эре серебром 1 каролин= $\frac{1}{2}$ даллера серебром=3 эре серебром 5 эре= 40 эре медью 4эре= 32 эре медью 2 эре=16 эре медью 1 эре= 8 эре медью Медные (серебром) 4 даллера 2 даллера 1 даллер $\frac{1}{2}$ даллера $2\frac{1}{2}$ эре 1эре $\frac{1}{6}$ эре	Инфляционный процесс в ходе войны

Кроме того удалось стабилизировать цены на внутреннем рынке. Согласно данных шведских исследователей цены на шведских рынках на продовольственные и промышленные товары с небольшими изменениями просуществовали почти сорок лет (1680-1719 гг.). Выглядели они при этом следующим образом(цены указаны за кг):

Свинья вырезка- 1 даллер медью,
Бекон- 3 эре медью,
Говядина – 4 эре медью,
Сыр- 6 эре медью,
Масло- 8 эре медью,
Живая курица – 4 эре медью,
Гусь- 1 даллер медью,
Поросёнок- 1,5 даллера,
Селёдка- 2 эре медью,
Мука в зависимости от сорта 2-3 эре медью,
Крупы – 1-2 эре медью.
Пиво (1 литр)- 2 эре медью,
Вино(1 литр)- от 4 эре медью до 1 каролина серебром,
Водка (1 литр)- 4 эре медью
А вот одежда и предметы интерьера стоили дорого.

Простая рубашкаобходилась в один-два даллера медью, за сюртук или платье нужно было отдать уже риксдаллер, шляпа- 1-2 марки серебром.

Бык или корова стоили 5-7 риксдаллеров. Недорогая лошадь, которую себе мог позволить сельский учитель или священник стоила 15 риксдаллеров. Хорошая лошадь стоила от 100 риксдаллеров.

Стабилизация внутреннего рынка и высокая внешняя конъюнктура при закупке шведского железа, меди и оружияпозволили королю Карлу XI в 1680 г. провести военную реформу, так называемую "молодую индельту" (indelningsverket). Сущность военной реформы Карла XI заключалась в замене периодических рекрутских наборов постоянной повинностью крестьян содержать личный состав королевского войска.

Все обрабатываемые земли в Швеции и Финляндии были разделены на участки, названными "индельтами". Группа крестьянских дворов, составлявшая "индельту", обязывалась выставлять одного солдата. Индельта выделяла солдату участок земли (torp), дом, обмундирование, а также дополнительные продукты питания. Вооружение и снаряжение солдату выдавалось государством[1.]. Группа крестьянских дворов, обязанная выставлять и содержать одного солдата, называлась "ротехолл" (rotehåll), а составлявшие ее крестьяне - землевладельцы - "ротехолларами" (rotehållarna). Солдаты, содержавшиеся индельтами одного лена, сводились

в полк, носивший его название (например, Уппландский или Вестерботтенский пехотные полки - т.е. из лена Уппланд и Вестерботтен)[2.].

Солдаты внутри полка подразделялись на роты (kompaniet), которые сводились в батальоны. Роты назывались по названию той местности, где они формировались (рота Расбу, рота из Лагунды и т.д.) Солдаты один раз в год призывались на военные сборы, поддерживая тем самым свою боеготовность. В случае войны, индельта, после ухода одного солдата выставляла второго, служившего для пополнения постоянного полка. Если и второй солдат уходил на войну, индельта могла выставить нового рекрута. Из этих рекрутов в случае необходимости формировали резервные полки военного времени - так называемые "третьеочередные" (tremänningsregementen)[3.]. Эти полки обычно носили имя шефа (например, Уппландский третьеочередной пехотный полк, шефом которого в 1700-1712 гг. был генерал Левенгаупт, назывался "полком Левенгаупта" и т.д.) Четвертая очередь рекрутов шла на пополнение основного полка (вместо погибших или пропавших солдат второй очереди), а из рекрутов пятой очереди, в крайнем случае, могли также формироваться временные полки - пятиочередные (femmänningsregementen)[16. P.17-19;9.P.3-15].

Группа крестьянских дворов, содержавшая одного кавалериста, называлась "рустхолл" (rusthåll), а входившие в нее крестьяне - "рустхолларами" (rusthållarna). Офицеры и унтер-офицеры проживали на усадьбах в той местности, где расквартировывался их полк. Они жили в специально построенных для них домах, называвшихся "бостель" (boställ). Жалованье им выплачивалось закрепленной за ними группой дворов[16. P.30-33;9.P.3-15]. При этом сохранялась и вербовка (värvat) иностранных солдат в королевскую армию[4.].

Кроме того практиковался набор частей за счет сословий- дворянства и духовенства, т.н. дворянские эскадроны и исословные драгунские полки (эскадроны).

В случае войны проводился широкий призывландмилиции и всеобщего ополчения[7.].

Вербованные частисоставляли наемную армию, находившуюся на жалованье у государства. Кроме того, они получали продовольственный паек, обмундирование и оружие.

Вербовка была выгодным мероприятием. Дело в том, что на каждых 10 рядовых наличного состава полка выдавалось на месяц 2 3/4 серебряных риксдаллера на непредвиденные расходы, которые шли в карман начальнику.

По своему принципу вербовка должна была быть добровольной. Вербовщики обязаны были убедить людей добровольно поступать на военную службу и принимать задаток. Насильно можно было вербовать бобылей (Lostreiber) и «праздношатающихся», а также одиноких дворохозяев-крестьян без достаточного количества рабочего скота[7.].

Таким образом, вербовка в первую очередь затронула самые бедные слои населения - бобылей и

деревне, поденщиков и разнорабочих в городе. Крестьян-дворохозяев, их сыновей, братьев и батраков-барщинников, ремесленников, подмастерьев и др. по закону нельзя было вербовать насильно. Это относилось и к слугам зажиточных бюргеров, помещиков, чиновников и т.д.

В действительности же с самого начала войны преобладала насильственная вербовка, причем не только тех категорий населения, которые были отданы во власть и на произвол вербовщиков, но и находившихся под защитой закона.

За счет вербовки возмещались потери, понесенные шведскими войсками в боевых действиях, а также из-за дезертирства и «естественной убыли» (смерть, непригодность к военной службе вследствие плохих условий жизни и распространения инфекционных болезней).

Древней повинностью эстляндских и ливляндских мыз, со времен Ливонского ордена, была рейтарская повинность, или конная служба. Рейтарская повинность возлагалась на частные мызы, включая грациальные[11.]мызы и их терциальные части[12.]. Каждые 15 гаков[13.] составляли одну единицу - так называемый росдинст (Rosdienst). С одного росдинста надлежало поставлять одного рейтара в полном обмундировании, снаряжении и с конем. Рейтарская повинность не выполнялась самими помещиками. Дворян призывали на службу в качестве офицеров или в порядке ополчения, а не простыми рейтарами. Если частная мыза была сдана в аренду, то обыкновенно за выполнение повинности отвечал собственник, а не арендатор[7.]. При меньшем числе гаков мызы объединялись в группы, составляющие вместе один росдинст, причем самая крупная мыза должна была выделять человека и обмундирование, а другие, более мелкие, выплачивали ей деньгами и натурой соответствующую часть расходов. Мызы не только давали рейтара в армию, но и платили ему жалованье, снабжали продовольствием, часто клочком земли, заменяли пришедшее в негодность обмундирование и вооружение. Вместо выбывшего из строя рейтара держатель росдинста должен был поставить другого. Подобная система конной службы была невыгодна собственникам и действовала крайне медленно. Хотя обычно в качестве рейтаров должны были служить немцы, власти разрешали за неимением последних выставлять в рейтары эстонцев и латышей.

Так как все это требовало от дворян и помещиков больших расходов, то они всеми силами стремились уклониться от выполнения росдинста. По переписи 1699 года в Эстляндии насчитывалось 394 росдинста, а к 1703 году - 410. Карл XII в своем письме к А.Ю. Делагарди 17/18 октября 1700 года потребовал удвоения числа рейтаров. Это требование короля натолкнулось на глухое сопротивление дворянства, так как содержание рейтар стоило им недешево. Однократное обмундирование рейтара стоило 77 риксдаллеров 34 эре, лошадь - 50 риксдаллеров, жалованье за три года вперед составляло 36 риксдаллеров, чаевые - 3 и провиант да фураж стоили 3 риксдаллера. Всего 169 риксдаллеров 34

эре[7.]. Кроме того, на зимнее снаряжение рейтара было дополнительно израсходовано 5 риксдаллеров 35 эре. После боя у Нарвы пришлось заменить пришедшее в негодность обмундирование и привести в порядок оружие. Это обошлось в 56 риксдаллеров 28 эре. За неполученный доход с земли, которой пользовался рейтар (то есть, его семья), считалось 12 риксдаллеров и снабжение его провиантом - 4 риксдаллера. Всего за срок меньше года на одного рейтара было затрачено 255 риксдаллеров 28 эре. Как видно из данных примеров, стоимость обмундирования рейтара колебалась от 62 до 77 риксдаллеров, жалование (за год) - от 12 до 24, а стоимость лошади - от 30 до 50 риксдаллеров. Обычно лошадь помещику не надо было покупать, также и некоторые предметы обмундирования (сорочки, рукавицы и т. п.). Кроме того, цены в этих счетах, наверно, преувеличены. Все же примерно 50-100 риксдаллеров на одного рейтара приходилось затрачивать сразу и, кроме того, дополнительно 20-80 риксдаллеров в год. Снаряжение и содержание двух рейтаров обходилось в сумму, равную примерно от четверти до полной годовой контрибуции.

При этом следует учитывать, что средняя плата сезонного рабочего не превышала 3 риксдаллеров в год, а стоимость коровы - от 1 до 2,5 риксдаллеров[17.Р.152-158].

С ноября 1700 г. Карл XII своими распоряжениями обязал арендаторов мыз и пасторов поставлять обмундированных драгун. Арендаторы обязывались поставлять с каждых 15 гаков двух драгун, причем за каждого драгуна было обещано вычитать из арендной платы 40 риксдаллеров[6.].

В отличие от рейтарской повинности, арендаторам и духовенству не надо было поставлять новых драгун вместо выбывших (за исключением случаев дезертирства). По разъяснению Карла XII, пополнение сословных драгунских эскадронов должно было происходить путем вербовки. Расходы на содержание драгун (провиант и фураж) несла казна, которая выплачивала им также жалование.

По указу Карла XII в январе 1701 г. было принято решение о формировании из крестьян постоянных военных соединений - ландмилиции[7.]. С каждого росдинста (15 гаков) требовалось поставлять 10 крестьян, умеющих обращаться с ружьем, причем хороших стрелков. Дополнительно каждый уезд должен был поставить 60 драгун. Офицерами должны были стать дворяне, которые всеми возможными способами уклонялись от службы в королевской армии[6.].

К сентябрю 1701 г. окончательно выяснились принципы комплектования ландмилиции. Поставлять солдат в ландмилицию должны были крестьяне, которые также были обязаны снабжать их обмундированием[14.]. Во время похода части ландмилиции снабжались из военных магазинов фуражом и продовольствием, а из арсеналов - оружием. Командного состава в частях ландмилиции не хватало. Крайне низкий уровень боевой подготовки делал ландмилицию малопригодным родом войск.

В целях повышения боеспособности и комплектования частей ландмилиции король 10/11 апреля 1702 г. подписал рескрипт, изменивший саму основу ее комплектования[7.]. Теперь все крестьянские дворы были разделены на так называемые роты. В каждой роте должно было быть столько дворов, чтобы они все вместе составляли 1,5 гака. Эти дворы сообща должны были поставить в ландмилицию одного человека, снабдить его обмундированием, а в случае, если он выйдет из строя или дезертирует, найти ему замену. В то же самое время все льготы по барщине отменялись: работать на полях мызы отныне все крестьяне должны были, как и до образования ландмилиции.

Что касается предметов снабжения, то армия Карла XII получала их из трех источников:

1. постоянных продовольственных и фуражных магазинов;
2. подвижного армейского магазина, возимого за армией;
3. реквизиций за счет местных источников снабжения по мере продвижения армии по завоеванным территориям.

Снабжение войск продовольствием было одной из главных обязанностей местных властей. В Эстляндии этим делом занимались сам генерал-губернатор и подчиняющийся ему штатгальтер. В Лифляндии генерал-губернатору также пришлось уделять этому вопросу много внимания, но и там снабжение войск находилось главным образом в руках штатгальтеров. Наряду с ними конкретными вопросами снабжения войск занимались как в Эстляндии, так и в Лифляндии провиантмейстеры, комиссары и крисккомиссары, нотариусы с подчиненными им мелкими чиновниками (помощниками, писарями и др.).

Снабжение войск продовольствием происходило по твердым нормам. В Прибалтике месячные нормы продовольствия на одного солдата и фуража на одну лошадь были следующие: 2 1/4 лисфунта (приблизительно 18 кг.) сухарей или 3 лисфунта (около 24 кг.) черного хлеба, или 1/2 рижской пур (около 33 л) ржаной муки, или такое же количество ржи; 3 фунта (около 1,2 кг.) шпика или такое же количество сливочного масла; 6 фунтов (около 2,5 кг.) копченого мяса или такое же количество соленой рыбы; 12 штофов (около 16 л.) крупы или гороха, 6 штофов (около 8 л.) муки, 1 1/2 фунта (около 600 г) поваренной соли: 1/2 рижской пур (около 33 л) солода, 1 фунт (около 400 г) хмеля. Если не хватало шпика, сливочного масла, мяса и рыбы, их можно было заменить крупой или горохом по норме за 2 фунта копченого мяса или за 1 фунт шпика 1 1/3 штофа (около 1,7 л.) крупы[6.].

Для одной лошади на период, когда не было подножного корма, надо было давать 30 лисфунтов (около 240 кг. сена (причем половину этого количества можно было заменить таким же количеством соломы), 2 рижские пур 12 штофов овса (около 145 л) или за неимением овса 1 рижскую пур 6 штофов (около 74 л) ржи и ячменя.

По своему энергетическому эквиваленту

(около 5500 ккал) норма, предназначенная для солдата, была более чем достаточной. При всем этом надо иметь в виду, что многим солдатам, особенно в гарнизонных войсках, приходилось делить свой паек с женами и детьми.

Воины дворянских эскадронов и сословные драгуны получали от своих хозяев оружие и обмундирование, от казны - боеприпасы и продовольствие за время боевой службы. Ландмилицию снабжали обмундированием крестьяне, оружием, боеприпасами и провиантом - казна.

Вербованных солдат надо было снабжать обмундированием, оружием и боеприпасами, а также выдавать им продовольствие. Помимо того, солдаты и сословные драгуны получали от казны жалование деньгами. Жалование офицерскому составу платила казна и в других подразделениях.

Оружие и боеприпасы целиком или почти целиком доставлялись в Прибалтику из Швеции. На месте был налажен только их ремонт. Обмундирование же частично доставлялось из Швеции, частично изготовлялось на месте. Почти целиком на

Прибалтике лежала обязанность снабжать войска продовольствием (за исключением гарнизона Нарвы).

Суммы на выплату жалования (особенно для гарнизонных войск) частично отпускались из местного бюджета, частично поступали из Швеции (особенно для полевых войск).

Крайне важным был вопрос регулярной выплаты жалования личному составу армии. Оно выплачивалось в зависимости от занимаемой должности. При Карле XI в 1689 г. рядовой в год получал 9 риксдаллеров, фурыер – 30 риксдаллеров, фельдфебель и фанен-юнкер – 41 риксдаллеров, прапорщик – 50 риксдаллеров, лейтенант – 100, а капитан – 200 риксдаллеров соответственно. Самые большие оклады были у штаб-офицеров. Подполковник получал 750, а полковник 1500 риксдаллеров [16.Р.12-13]. Такая градация денежного содержания поднимала значимость службы под королевскими знаменами и стимулировала профессиональный рост солдат и офицеров шведской армии.

Таблица 3.

Сравнительный анализ денежного содержания в артиллерии и пехоте в период 1660-1720 гг. [5.]

Звание	Артиллерия	Пехота вербованная
Генерал-фельдцейхмейстер	2000 риксдаллеров	-
Генерал-лейтенант пехоты и кавалерии	-	1800
Полковник артиллерии	1800	-
Подполковник	1000	750
Майор	750	375
Капитан	450	375
Лейтенант	300	246
Фенрих	240	246
Штык-юнкер	180	-
Фельдфебель	-	72
Сержант	120	72
Констапель	96	-
Капрал	-	48
Младший констапель (помощник констапеля)	72	-
Гантлангер	54	-
Рядовой пехоты	-	33

Средства на продовольственное снабжение армии, а также фураж для лошадей поступали из обычных доходов государства (аренда государственных мыз, натуральные налоги), с одной стороны, и в счет чрезвычайных военных повинностей, с другой. Частично, но сравнительно редко, продукты покупались у местного населения за наличные деньги или в кредит. Во время войны военные налоги и повинности поглощали до 30-60% чистых доходов частновладельческих мыз. Сильно были разорены непомерными военными повинностями горожане и крестьяне.

Что касается реквизиций фуража и продовольствия у населения, то бедность шведского правительства и значительная удаленность от Швеции

стран, в которых находилась армия Карла, вынудили шведов жить за счет враждебного, нейтрального или даже дружественного населения. Войско, являвшееся вначале образец дисциплины, мало-помалу превращалось в мародеров. Карл, строго наказывал за мародерство и грабеж, но ему все чаще приходилось самому приказывать войску жить поборами с населения.

Не стоит забывать и о том, что каждый полк был обременен огромным количеством лошадей. Количество лошадей, полагавшихся чинам шведских полков в соответствии с регламентом от 20 апреля 1696 г. приводится в таблице:

	Слуг	Верховые лошади	Обозные лошади	Суточные расходы на лошадей в эре.
Кавалерийский полк				
Полковник	9	7	14	32
Подполковник, майор	6	5	9	24
Ротмистр	5	4	6	16
Полковой квартирмейстер	3	3	4	16
Лейтенант, корнет	3	3	4	12
Полковой пастор, полковой писарь	1	1	2	12
Полковой фельдшер	2	1	4	12
Ротный квартирмейстер	2	2	3	10
Капрал	1	2	1	10
Трубач, литавщик	1	1	1	10
Рядовой	-	1	-	-
На каждых пять рядовых 1 обозная лошадь	-	-	1	-
Драгунский полк				
Полковник	8	5	13	32
Подполковник, майор	5	3	7	24
Капитан	4	2	6	16
Полковой квартирмейстер	3	3	4	16
Лейтенант, фенрих	2	1	3	12
Полковой пастор, полковой писарь	1	1	2	12
Полковой фельдшер	2	1	4	12
Унтер-офицер, капрал, флейтист, барабанщик, рядовой	-	1	-	-
На каждых четырех рядовых одна обозная лошадь	-	-	1	-
Пехотный полк				
Полковник	7	3	12	32
Подполковник, майор	5	2	8	24
Капитан	3	1	5	16
Полковой квартирмейстер	2	1	3	16
Лейтенант, фенрих	2	1	3	12
Полковой пастор, полковой писарь	1	1	2	12
Полковой фельдшер	2	1	4	12
Полковой фельдфебель, профос, полковой казначей	-	-	1	10
Унтер-офицер, рядовой	-	-	-	-
На каждых трех рядовых одна обозная лошадь	-	-	1	-

Огромное значение в Швеции придавалось производству и хранению оружия и боеприпасов. Королевство полностью обеспечивало себя холодным и огнестрельным оружием, артиллерией, а также порохом. Швеция являлась в XVII веке одним из главных экспортеров артиллерийских орудий на внешний рынок.

В конце 17 века - в начале 18 века цена мушкета понизилась в связи с развитием производства где-то до 10 риксдаллеров. Штык стоил риксдаллер. Пехотная шпага - от 2 до 4 риксдаллеров, кавалерийская шпага от 5 риксдаллеров. Пара пистолетов - 18-26 риксдаллеров, кавалерийский карабин - 12 риксдаллеров.

Таблица 4. Стоимость ствола артиллерийского орудия (1698 г.)

Калибр	Металл	Вес (кг.)	Цена
3-х фунтовое	бронза	260-320	380 риксдаллеров
	медь	240-310	370 риксдаллеров
4-х фунтовое	бронза	330-410	460 риксдаллеров
	медь	340-420	440 риксдаллеров
6-ти фунтовое	бронза	600-660	920 риксдаллеров
	медь	610-670	980 риксдаллеров
12-ти фунтовое	бронза	1243-1679	1300 риксдаллеров
	медь	1243-1679	1360 риксдаллеров
24-х фунтовое	бронза	4400-4520	4450 риксдаллеров
	медь	4410-4640	4700 риксдаллеров

Таблица 5.

Стоимость станка артиллерийского орудия (1698 г.)

Калибр	Цена
3-х фунтовое	80 риксдаллеров
4-х фунтовое	100 риксдаллеров, 3 марки, 5 эре серебром
6-ти фунтовое	111 риксдаллеров, 4 марки серебром
12-ти фунтовое	130 риксдаллеров
24-х фунтовое	150 риксдаллеров

Таблица 6.

Количество и стоимость зарядных ящиков артиллерийского орудия (1698 г.)

Калибр	Цена
3-х фунтовое	1 ящик - 50 риксдаллеров
4-х фунтовое	1 ящик- 50 риксдаллеров, 2 марки серебром
6-ти фунтовое	2 ящика -100 риксдаллеров, 4 марки серебром
12-ти фунтовое	3 ящика- 130 риксдаллеров
24-х фунтовое	3 ящика- 150 риксдаллеров

В мирное время королевская армия состояла в основном из вербованных частей. К ним относились гвардия (корпус Лейб-драбантов[8.Р.28-32], Лейб-гвардии пеший полк, Лейб-драгунский полк, две роты Конного Лейб-режима (этот полк комплектовался по системе поселенных войск), элитные лейб-пехотный полк Королевы, Шведский, Немецкий пехотные лейб- пешие полки, Собственный Её Величества вдовствующей королевы Померанский лейб-пеший полк, гарнизонные полки Штаде, Висмара, Штральзунда, Риги, Нарвы, пехотные полки генерал-губернаторов Висмара, Риги, Нарвы, Лифляндский вербованный пехотный полк Шютте. Их численность не превышала 15 000 чело-

век пехоты и 4500 человек рейтар и драгунов. Поселенные полки в мирное время в постоянной готовности содержали только полковой штаб и первую роту полка.

Таким образом, расходы на армию в мирное время не превышали 1 400 000 риксдаллеров. При доходах государственной казны в 6 131 000 риксдаллеров это была абсолютно приемлемая сумма.

Ситуация кардинально менялась с началом войны. Государственная казна была вынуждена нести экстраординарные расходы на армию. Так, только призыв под знамена одного "национального" пехотного полка обходился государству в более чем в 115 000 риксдаллеров.

Таблица № 7.

Средняя стоимость годового содержания строевого состава "национального" (поселенного) пехотного полка в военное время (в риксдаллерах).

Чин (должность)	Количество (чел.)	Жалование	Снаряжение		Прод. паек	Количество лошадей (голов по чину)	Годовая стоимость фуража
			оружие	униформа			
Полковник	1	1500	150	От 200 до 500 риксдаллеров	72 риксдаллера	15	608 риксдаллеров, 33 эре медью
Подполковник	1	750	150	От 200 до 500 риксдаллеров	72 риксдаллера	10	304 риксдаллера, 16 эре медью
Майор	1	375	120	От 200 до 500 риксдаллеров	48 риксдаллеров	10	304 риксдаллера, 16 эре медью
Капитан	9	375	900	От 900 до 2700 риксдаллеров	324 риксдаллера	6	1095 риксдаллеров
Лейтенант	12	246	600	От 1200 до 2500 риксдаллеров	432 риксдаллера	4	730 риксдаллеров
Фенрих	12	246	480	От 875 до 1600 риксдаллеров	432 риксдаллера	4	730 риксдаллеров

Фельдфебель	24	41	288	960 риксдаллеров	576 риксдаллеров	1	304 риксдаллера, 1 марка. 2 эре серебром
Унтер-офицер	48	30	576	1920 риксдаллеров	1152 риксдаллера	-	
Барабанщик	36	11	144	1260 риксдаллеров	864 риксдаллера	-	
Капрал	72	12	1008	2160 риксдаллеров	1728 риксдаллеров	-	
Гренадер	96	10	1440	2688 риксдаллеров	2304 риксдаллера	-	
Мушкетер	672	9	9408	16128 риксдаллеров	16178 риксдаллеров	-	
Пикинер	384	9	1152	9216 риксдаллеров	9216 риксдаллеров	-	
Полковой квартирмейстер	1	375	50	250 риксдаллеров	576 риксдаллеров	4	80 риксдаллеров, 12 эре серебром
Полковой пастор	1	375	-	250 риксдаллеров	576 риксдаллеров	3	15 риксдаллеров, 2 эре серебром
Помощник пастора	2	246	-	400 риксдаллеров	864 риксдаллера	-	
Полковой писарь	1	246	5	200 риксдаллеров	432 риксдаллера	3	15 риксдаллеров, 2 эре серебром
Полковой цирюльник	1	246	5	200 риксдаллеров	432 риксдаллера	5	15 риксдаллеров, 2 эре серебром
Помощник полкового цирюльника	1	200	5	175 риксдаллеров	400 риксдаллеров	-	
Профос	1	50	5	75 риксдаллеров	36 риксдаллеров	1	12 риксдаллеров, 1 марка. 2.5 эре серебром
Помощник профоса	3	40	15	120 риксдаллеров	72 риксдаллера	-	
Итого: 115340 риксдаллеров, 4 марки, 4 эресеребром, 1/2 эре медью	1200	28100 риксдаллеров	16501 риксдаллер	44302 риксдаллера	22225 риксдаллеров		4212 риксдаллеров, 1 марка серебром, 276,5 эре медью
Количество лошадей на полк						225	

Что касается кавалерии, то тут картина была ещё более безрадостней.

Таблица № 8.

Средняя стоимость годового содержания строевого состава "национального" (поселенного) кавалерийского полка в военное время (в риксдаллерах).

Чин (должность)	Количество (чел.)	Жалование	Снаряжение		Прод. паек	Количество лошадей (голов по чину)	Годовая стоимость фуража
			оружие	униформа			
Полковник	1	1500	150	От 200 до 500 риксдаллеров	72 риксдаллера	21	851 риксдаллер серебром, 66 эре медью
Подполковник	1	750	150	От 200 до 500 риксдаллеров	72 риксдаллера	14	425 риксдаллеров серебром, 83 эре медью
Майор	1	375	120	От 200 до 500 риксдаллеров	48 риксдаллеров	14	425 риксдаллеров серебром, 83 эре медью
Ротмистр	16	375	1600	От 900 до 2700 риксдаллеров	768 риксдаллеров	10	3244 риксдаллера серебром, 44 эре медью
Лейтенант	16	246	1600	От 1200 до 2500 риксдаллеров	768 риксдаллеров	7	1703 риксдаллера серебром, 33 эре медью
Корнет	16	246	900	От 875 до 1600 риксдаллеров	768 риксдаллеров	7	1703 риксдаллера серебром, 33 эре медью
Штандарт-юнкер	8	41	240	960 риксдаллеров	320 риксдаллеров	3	304 риксдаллера серебром, 16 эре медью
Литавщик	1	30	15	192 риксдаллера	40 риксдаллеров	1	12 риксдаллеро серебром, 67 эре медью
Трубач	8	14	40	618 риксдаллеров. 72 эре	288 риксдаллеров	1	101 риксдаллер серебром, 39 эре медью
Капрал	40	14	600	3120 риксдаллеров	1440 риксдаллеров	1	506 риксдаллеров серебром, 94 эре медью
Рейтар	992	12	13888	76384 риксдаллеров. 11 эре	35712 риксдаллеров	1	12 572 риксдаллера серебром, 22 эре медью
Полковой адъютант	1	375	100	100 риксдаллеров	48 риксдаллеров	7	141 риксдаллер серебром, 94 эре медью
Полковой квартирмейстер	1	375	100	120 риксдаллеров	48 риксдаллеров	5	101 риксдаллер серебром, 38 эре медью
Ротный квартирмейстер	8	375	640	720 риксдаллеров	320 риксдаллеров	3	304 риксдаллера серебром, 16 эре медью
Полковой пастор	1	375	-	250 риксдаллеров	36 риксдаллеров	3	38 риксдаллеров серебром
Помощник пастора	2	246	-	400 риксдаллеров	72 риксдаллера	2	50 риксдаллеров
Полковой писарь	1	246	5	200 риксдаллеров	40 риксдаллеров	3	38 риксдаллеров серебром
Полковой цирюльник	1	246	5	200 риксдаллеров	48 риксдаллеров	5	63 риксдаллера серебром, 36 эре медью

Помощник полкового цирюльника	2	200	5	175 риксдаллеров	72 риксдаллера	3	76 риксдаллеров серебром
Оружейник	1	50	5	75 риксдаллеров	36 риксдаллеров	2	25 риксдаллеров серебром, 34 эре медью
Мастер-седельщик	1	40	15	120 риксдаллеров	36 риксдаллеров	2	25 риксдаллеров серебром, 34 эре медью
Итого: 208125 риксдаллеров, 3 марки, 3 эре серебром, 5 эре медью	1079	34470 риксдаллеров	18578 риксдаллеров	91316 риксдаллеров, 10 эре серебром, 3 эре медью	41052 риксдаллера		22709 риксдаллеров, 1 марка, 5 эре серебром, 1 эре медью
Количество лошадей на полк						1559	

Как мы уже упоминали выше, шведы как и другие европейские страны прибегали к вербовке в ряды своих вооруженных сил. В первую очередь это касалось драгунских полков.

Таблица № 9.

Средняя стоимость годового содержания строевого состава вербованного драгунского полка-8-ми ротного состава в военное время (в риксдаллерах).

Чин (должность)	Количество (чел.)	Жалование	Снаряжение		Прод. паек	Количество лошадей (голов по чину)	Годовая стоимость фуража
			оружие	униформа			
Полковник	1	1500	150	От 200 до 500 риксдаллеров	72 риксдаллера	18	730 риксдаллеров серебром
Подполковник	1	750	150	От 200 до 500 риксдаллеров	72 риксдаллера	10	405 риксдаллеров серебром, 55 эре медью
Майор	1	375	120	От 200 до 500 риксдаллеров	48 риксдаллеров	10	405 риксдаллеров серебром, 55 эре медью
Капитан	16	375	1600	От 900 до 2700 риксдаллеров	768 риксдаллеров	8	3244 риксдаллера серебром, 44 эре медью
Лейтенант	16	246	1600	От 1200 до 2500 риксдаллеров	768 риксдаллеров	4	973 риксдаллера серебром, 33 эре медью
Фенрих	16	246	900	От 875 до 1600 риксдаллеров	768 риксдаллеров	4	973 риксдаллера серебром, 33 эре медью
Штандарт-юнкер	8	41	240	960 риксдаллеров	320 риксдаллеров	3	304 риксдаллера серебром, 16 эре медью
Штаб-трубач	1	30	15	64 риксдаллера	40 риксдаллеров	1	12 риксдаллеров серебром, 67 эре медью
Трубач, барабанщик	8	14	40	618 риксдаллеров. 72 эре	288 риксдаллеров	1	101 риксдаллеров серебром, 39 эре медью
Капрал	40	14	600	2600 риксдаллеров	1440 риксдаллеров	1	506 риксдаллеров серебром, 94 эре медью
Драгун	992	12	13888	61504 риксдаллера	35712 риксдаллеров	1	12 572 риксдаллера серебром, 22 эре медью

Полковой адъютант	1	375	100	100 риксдаллеров	48 риксдаллеров	7	141 риксдаллер серебром, 94 эре медью
Полковой квартирмейстер	1	375	100	120 риксдаллеров	48 риксдаллеров	7	101 риксдаллер серебром, 38 эре медью
Ротный квартирмейстер	8	375	640	720 риксдаллеров	320 риксдаллеров	3	304 риксдаллера серебром, 16 эре медью
Полковой пастор	1	375	-	250 риксдаллеров	36 риксдаллеров	3	38 риксдаллеров серебром
Помощник пастора	2	246	-	400 риксдаллеров	72 риксдаллера	3	50 риксдаллеров
Полковой писарь	1	246	5	200 риксдаллеров	40 риксдаллеров	5	38 риксдаллеров серебром
Полковой цирюльник	1	246	5	200 риксдаллеров	48 риксдаллеров	5	63 риксдаллера серебром, 36 эре медью
Помощник полкового цирюльника	2	200	5	175 риксдаллеров	72 риксдаллера	3	76 риксдаллеров серебром
Оружейник	1	50	5	75 риксдаллеров	36 риксдаллеров	2	25 риксдаллеров серебром, 34 эре медью
Мастер-сидельщик	1	40	15	120 риксдаллеров	36 риксдаллеров	2	25 риксдаллеров серебром, 34 эре медью
Итого: 191563 риксдаллера, 3 марки серебром, 1 эре медью	1079	34470 риксдаллеров	18578 риксдаллеров	76406 риксдаллеров, 1 марка, 3 эре серебром	41052 риксдаллера		21057 риксдаллеров, 1 марка, 3 эре серебром, 1 эре медью
Количество лошадей на полк						1405	

Однако самые большие расходы казна несла при укомплектовании гвардии и полевого артиллерийского полка.

Полевой артиллерийский полк, учрежденный в 1655 г. состоял из штаба, 8 артиллерийских рот, минерной команды, походной лаборатории и служб тыла. В штаб артиллерийского полка по штату входили: полковник, подполковник, два майора, полковой квартирмейстер и адъютант. Кроме того, в полку состояли: полковой аудитор, два пастора, полковой бухгалтер с писарем, судейский писарь, фельдшер с тремя помощниками, полковой фельдфебель, два профоса и шесть палочников. 8 артиллерийских рот имели в своем составе 20 офицеров (4 капитана, капитан-лейтенант, 7 лейтенантов и 8 прапорщиков), 40 унтер-офицеров (16 штык-юнкеров, 16 сержантов и 8 фурьеров) и 274 рядовых (64 констапеля - старших пушкарей, 82 ученика констапеля и 128 гантлангеров - помощников)[21.Р.36-41].

В состав минерной команды входили капитан, 30 минеров и унтер-минеров. Походная лаборатория, во главе которой находились фельдцехмейстер

и капитан-фейервейкер, состояла из 39 бомбардиров (фейерверкерсов). Тыловая служба полка была представлена различными нестроевыми чинами - мастерами, подмастерьями, рабочими, писарями, всего более 300 человек[21.Р.43].

При артиллерийском полку находился обоз в составе 12 транспортных команд. По штату в обоз входили шталмейстер (старший конюх), унтер-шталмейстер (младший конюх), писарь, 40 фурьеров (по чину соответствующие штык-юнкеры), 40 шафферов (сержантов) и 891 кучер[16.Р.46-49]. Хотя артиллерия, ввиду низкой маневренности, не являлась любимым родом войск Карла XII, она находилась на высоком уровне боеготовности на всем протяжении исследуемого периода. Дело в том, что в шведской армии было принято проверять материальную часть орудий каждый день и еженедельно, если этому способствовала обстановка, проводить учения артиллерийских расчетов[10.Р.16-23].

Генерал-квартирмейстеру подчинялся отдельный корпус инженеров. В 1700 г. он насчитывал 376

человек. Отряд в составе 25 офицеров и 12 гантверкеров постоянно находился при армии. Остальные подразделения были расквартированы по гарнизонам в Карлсруне, Мальме, Марсштаде, Кальмаре, Висмаре, Штральзунде, Штаде, Нарве, Ревеле, Риге и Динамюнде[19.Р.14].

Артиллерия комплектовалась за счет вербовки, как на территории королевства, так и за его

пределами. Завербовавшийся на службу в артиллерию рекрут получал единовременное вознаграждение в размере 6 даллеров.

Сравнительный анализ денежного содержания в артиллерии и пехоте в период 1660-1720 гг. приведен в таблице[5.]:

Звание	Артиллерия	Пехота вербованная
Генерал-фельдцейхмейстер	2000 даллеров	-
Генерал-лейтенант пехоты и кавалерии	-	1800
Полковник артиллерии	1800	-
Подполковник	1000	750
Майор	750	375
Капитан	450	375
Лейтенант	300	246
Фенрих	240	246
Штык-юнкер	180	-
Фельдфебель	-	72
Сержант	120	72
Констапель	96	-
Капрал	-	48
Младший констапель (помощник констапеля)	72	-
Гантлангер	54	-
Рядовой пехоты	-	33

Следует отметить тот факт, что при проведении военной реформы 1680-1695 гг. король Карл XI и его советники уделяли самое пристальное внимание функционированию системы тылового обеспечения армии. Им действительно удалось создать прекрасно действующую модель тылового обеспечения с учетом национальной специфики. Кроме того, с целью проверки мобилизационной готовности всех служб армии ежегодно проводились большие учения. По их итогам составлялись специальные отчеты в основании которых вносились коррективы в систему мобилизационной готовности, боевой подготовки и тылового обеспечения войск.

На практике эту систему пришлось проверять уже Карлу XII в годы Великой Северной войны (1700-1721 гг.). После нападения Саксонии на Швецию в феврале 1700 года был издан эдикт о проведении всеобщей мобилизации. За короткий период (март-октябрь 1700 г.) под королевские знамена были полностью отмобилизованы:

- 22 пехотных, 11 кавалерийских (включая Конный лейб-режимент и Шведско-Финляндский "адельсфан") "поселенных" полков, один эскадрон и одна кавалерийская рота;

- 4 соединения "дворянских знамен" (два полка, два эскадрона);

- 7 резервных (третьеочередных) пехотных полков и 7 резервных (третье-четыреочередных) "поселенных" батальонов;¹

- три "сословных" драгунских полка;

- один кавалерийский, три драгунских, четыре пехотных вербованных полка, три вербованных пехотных батальона и три вербованных драгунских эскадрона.

Таким образом, к октябрю 1700 года королевская армия состояла из:

- гвардии (корпус Лейб-драбантов, Лейб-гвардии пеший полк (3 батальона), Лейб-драгунский полк (12 рот) Конного Лейб-режима (12 рот) (этот полк комплектовался по системе поселенных войск);

- 5 соединений "дворянских знамен" (адельсфанов) (три полка, два эскадрона);

- трех "сословных", трех вербованных драгунских полков и трех вербованных драгунских эскадронов;

- 29 "поселенных" (включая резервные), 12 вербованных, пяти вербованных гарнизонных пехотных полков, семи резервных "поселенных" и трех вербованных пехотных батальонов;

- 10 "поселенных", одного вербованного кавалерийских полков, одного "поселенного" кавалерийского эскадрона и одной "поселенной" кавалерийской роты;

- одного вербованного полевого артиллерийского полка.

На их формирование и содержание должно было быть израсходовано из королевской казны, местных провинциальных бюджетов и состояний частных лиц: 8 588 646 риксдаллеров, одна марка, один эре серебром и три эре медью, при общем бюджете королевства в 6 138 000 риксдаллеров, что

¹ Ibid. S. 34-42.

составило бы 132% государственного бюджета Швеции.

Однако расходы на вооружение и обмундирование были в значительной степени единовременными, при этом в довоенный период был накоплен достаточно большой запас оружия и боеприпасов, так что реальные расходы при мобилизации составили 6 362 146 риксдаллеров. Из них по разным данным от 1 800 000 до 2 315 000 риксдаллеров было расходами частных лиц, получившими патенты на формирование вербованных частей.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в период 1665-1695 гг. шведским правительством была проведена большая по своему объему работа по формированию действенной системы тылового обеспечения армии, что и доказала Великая Северная война (1700-1721 гг.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. RA. (Государственный архив Швеции). 754. Militaria (Военные документы). II. Regementschefersskrivelser till Kungl. Maj:t (Доклады полковых шефов о состоянии вверенных им частей Его Королевскому Величеству). Närke-och Värmlands infanteriregemente (Нёрке-Вермландский пехотный полк). Vol. M.296 (1701-1723). S.3,6-7,11.
2. KRA. (Военный архив Швеции). Främmande arkivalier. (från Krigskollegii-Kammarkollegii och Statskontorets arkiv). (Сопутствующие дела. Военная коллегия- Каммар-коллегия и Статс-конторы архив). Vol.36 a: Rekruteringsrullor 1703-1706. (Рекрутские списки 1704-1706 гг.). S.27-36.
3. KRA. (Военный архив Швеции). 0001. Krigskollegium: Krigskollegii kansli (Военная коллегия: Документы военной коллегии). Vol. Koop 64:1 (1700). s. 115-117.
4. KRA. (Военный архив Швеции). 0001. Krigskollegium: Krigskollegii kansli (Военная коллегия: Документы военной коллегии). Vol. Koop 66:1 (1702). s. 184-188.
5. KRA. (Военный архив Швеции). Mönsterrullor-1723. (Списки личного состава). Kungl. Artilleriet. S. 34-42.
6. Lietua Historiska arkivet i Riga. (Центральный государственный архив Латвии). F. 7349. Livländska Generalguvernementet. Stora Nordiska Kriget 1700-1710. (Фонд 7349 «Лифляндское генерал-губернаторство. Великая Северная война 1700-1710 гг.»). Vrz. 1. S.220. Bl. 150
7. Eesti Ajalooarhiiv (Tartu). (Центральный государственный исторический архив Эстонии). F.278. Liivimaa Rootsiaegne Kindralkubernen. (Фонд 278. «Бухгалтерские книги Лифляндского генерал-губернаторства. Главная книга Лифляндской экспедиции»). Vrz. 1. S. XIX-74. Bl. 142.; Vrz. 1. S. IV-39.

Bl. 53-55, 56-58.; Vrz. 1. S. IV-38a. Bl.99, 104, 147, 149-211.; Vrz. 1. S.IV-39 a . Bl. 68-69,78, 95; Vrz. 1. S.XVI-47a. Bl. 2-17.; Vrz. 1. S.XX-21b. Bl. 143.; Vrz. 1. S.XX-21b. Bl. 143. F. 1. Eestimaa Rootsiaegne Kindralkubernen. (Фонд 1. «Бухгалтерские книги Эстляндского генерал-губернаторства. Главная книга Эстляндской экспедиции»). Vrz. 2. S.36. Bl. 119.; Vrz. 2. S. 140. Bl. 86-94.; Vrz. 2. S. 141. Bl. 192-442.; Vrz. 2. S. 143. Bl. 414-578.; Vrz. 2. S. 153. Bl. 8-229.; Vrz. 2. S.164. Bl. 15-177.; Vrz. 2. S. 634. Bl.200-205.; Vrz. 2. S.637 . Bl. 13-119; Vrz. 2. S.642. Bl. 103-154.; Vrz. 2. S.644. Bl. 20-33.; Vrz. 2. S.756. Bl. 56-199. F.854. Landmiliz. (Фонд 854 «Ландмилиция»). Vrz. 1. S. 878. Bl. 1-44.

8. Беспалов А.В. Последняя дружина викингов. Корпус лейб-драбантов Карла XII до 27 июня 1709 г. // Армии и битвы. №12.2009. с. 28-32.

9. Беспалов А.В. Развитие системы комплектования, снабжения и укрепления дисциплины в шведской армии в 1547-1721 годах. // Norwegian Journal of development of the International Science. №27/2019. S.3-15

10. Беспалов А.В. Полевая артиллерия Швеции в Великой Северной войне (1700-1721 гг.). Организация, вооружение, применение. // Norwegian Journal of development of the International Science. №28/2019. S.16-23

11. объединенные, крупные хозяйства

12. небольшие по площади, рассеянные хозяйства

13. Эстляндский гак- 0.48 га, Лифляндский гак- 0.50 га. То есть 15 гак-ов – 7,2-7,5 га.

14. К обмундированию относились домотканые кафтаны из серого сукна, чулки, рубашки, штаны и плащи.

15. Ahlström, Almer, Hemmingsson. Sveriges mynt 1521-1977. Stockholm, 1977. P. 133-184

16. Åberg A. Göransson G. Karoliner. Stk. 1976

17. Behre G., Larsson L.-O., Österberg E. Sveriges historia 1521-1809. Stockholm, 1985. S. 152-158.

18. Edvinsson Rodney. The multiple currencies of Sweden-Finland 1534—1803 // Historical Monetary and Financial Statistics for Sweden. Exchange rates, prices, and wages, 1277—2008 / edited by Rodney Edvinsson, Tor Jacobson and Daniel Waldenström. — Halmstad: Ekerlids Förlag, 2010. — P. 133—238.

19. Höglund L.E. Den Karolinska Arméns uniformer under Stora Nordiska Kriget. Karlstadt, 1995.

20. Nordensvan C.O. Svenska armén åren 1700-1709. KFÅ, 1916. S.48.

21. Kungl. Artilleriet, Karl XI:s och Karl XII:s tid. Redaktör Hans Ulfhielm, 1993

JURISPRUDENCE

THE RELATIONSHIP BETWEEN CIVIL AND FAMILY LAW AT THE BEGINNING OF THE THIRD MILLENNIUM

Kolesov V. Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Doctor of Pedagogy, Honored Worker of Science and Education of RAE, Candidate of Economic Sciences, Legal Adviser, Academician of RAE, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Law Faculty of St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Заслуженный работник Высшей школы РФ, профессор доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ, кандидат экономических наук, юрисконсульт, академик РАЕ, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, юридического факультета Санкт – Петербургского университета ФСИИ России

DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-26-28](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-26-28)

Abstract

The author of the article examines an urgent problem in the process of forming a family in civil law relations, while observing all civil law canons on the territory of the Russian Federation. The main guarantor in the observance of family relations and traditions are legal norms and rules of a legal nature. Thus, finding a positive balance as property and non-property relations among the family on the basis of the legal framework.

Аннотация

Автором статьи рассматривается актуальная проблема в процессе формирования семьи в гражданско-правовых отношениях, при этом, соблюдая все гражданско-правовые каноны на территории Российской Федерации. Главным гарантом в соблюдении семейных отношений и традиций выступают правовые нормы и правила юридического характера. Тем самым, нахождение положительного баланса как имущественного и неимущественного отношения среди семьи на основе правового поля.

Keywords: family relations, regulation of family relations, observance of the legal field in civil law, property relations and non-property relations.

Ключевые слова: семейные отношения, регуляция семейных отношений, соблюдение правового поля в гражданском праве, имущественные отношения и неимущественные отношения

В начале третьего тысячелетия взаимосвязь гражданского и семейного права обусловлена тем, что семейное право как отрасль частного права невозможно себе представить без права гражданского, которое является основой частного права.

В конкретном случае взаимосвязь в гражданском и семейном праве проявляется и в том, что в предмет семейного права, также входят личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи (ст. 2 СК РФ). При этом имущественным отношениям в предмете семейного права отводится больше места, чем личным неимущественным отношениям. Именно в этом проявляется сходство семейного права с предметом гражданского права (п. 1 ст. 2 ГК РФ)[1].

Однако следует помнить, что семейное право – самостоятельная отрасль права, и критериями, позволяющими разграничить предмет семейного и гражданского права, выступают: 1) особый субъектный состав семейных отношений – эти отношения должны возникать между членами семьи: супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, между другими родственниками

или иными лицами; 2) присущий большинству семейных отношений лично-доверительный характер; 3) тесная связь имущественных отношений, регулируемых семейным законодательством, с личными неимущественными отношениями[2].

Имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между членами семьи, регулируются нормами семейного законодательства. Однако если семейное законодательство не содержит нормы, регулирующие отношения между членами семьи, к таким отношениям применяются соответствующие нормы гражданского законодательства, если это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ).

Очевидно, что существу семейных отношений, в частности, брачных отношений, противоречила бы возможность применения норм гражданского законодательства о недействительности сделки при решении вопроса о недействительности брака, так как брак и сделка – разнорядовые категории[2].

Следовательно, сложился следующий порядок применения гражданско-правовых норм к семейным отношениям: при наличии специальных норм семейные отношения регулируются ими; если же

их нет, то применяются общие гражданско-правовые нормы [3].

В ряде статей СК РФ указаны конкретные нормы ГК РФ, которыми следует руководствоваться при разрешении тех или иных вопросов брачно-семейных отношений. Так, СК РФ прямо обязывает использовать следующие нормы гражданского законодательства:

а) ст. 198-200 и 202-205 ГК РФ - при применении норм, устанавливающих исковую давность (п. 2 ст. 9 СК РФ);

б) ст. 257, 258 ГК РФ - при определении прав супругов владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, являющимся совместной собственностью членов крестьянского (фермерского) хозяйства (п. 2 ст. 33 СК РФ);

в) ст. 451-453 ГК РФ - при предъявлении кредитором супруга-должника требования об изменении условий или расторжении заключенного между ними договора в связи с существенно изменившимися обстоятельствами (п. 2 ст. 46 СК РФ);

г) ст. 26 и 28 ГК РФ - при определении права ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом (п. 3 ст. 60 СК РФ);

д) ст. 37 ГК РФ - при осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка (п. 3 ст. 60 СК);

е) п. 1 ст. 165 ГК РФ - при несоблюдении предусмотренной законом формы соглашения об уплате алиментов (п. 1 ст. 100 СК РФ);

ж) п. 2 ст. 36 ГК РФ - при решении вопроса о возможности раздельного проживания детей, находящихся под попечительством, и попечителей (п. 1 ст. 148 СК РФ).

Кроме того, в отдельных нормах СК РФ бланкетного характера имеются ссылки на необходимость применения правил гражданского законодательства без указания при этом конкретных статей ГК РФ или иного нормативного правового акта, подлежащих применению [4].

В частности, обращение к гражданскому законодательству необходимо в случаях: а) применения положений о долевой собственности к имуществу, приобретенному совместно лицами, брак которых признан недействительным (п. 2 ст. 30 СК РФ); б) возмещения добросовестному супругу при признании брака недействительным причиненного ему материального и морального вреда (п. 4 ст. 30 СК); в) изменения или расторжения брачного договора (п. 2 ст. 43 СК РФ); г).

В частности признания брачного договора недействительным (п. 1 ст. 44 СК РФ); д) определения ответственности супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми (п. 3 ст. 45 СК РФ); е) заключения, исполнения, расторжения и признания недействительным соглашения об уплате алиментов (п. 1 ст. 101 СК РФ); ж) определения вопросов организации и деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по осуществлению опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей (п. 2 ст. 121 СК РФ) [5].

Для семейного права имеют также теоретическое и практическое значение те положения ГК РФ, в которых содержатся определения основополагающего характера (например: правоспособность и дееспособность граждан, место жительства, эмансипация, имя гражданина, убытки, моральный вред, недействительность сделки, исковая давность, ответственность и др.) [6].

Семейное право никогда не регулировало все имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между членами семьи. Так, например, отношения наследования традиционно регулируются нормами гражданского, а не семейного законодательства, несмотря на то, что очередность наследования по закону построена с учетом степени родства и отношений свойства [7].

Таким образом, существенная роль гражданского законодательства в регулировании семейных отношений выражается в трех аспектах.

Во-первых, в самом СК РФ содержится значительное число гражданско-правовых норм, например гл. 7 "Законный режим имущества", гл. 8 "Договорной режим имущества супругов" (ст. 33 - 44 СК РФ), и ряд других норм [8].

Во-вторых, в СК РФ достаточно большое количество отсылок непосредственно на конкретные статьи ГК РФ (например, в ст. 46 СК РФ) и на применение гражданского законодательства без ссылки на конкретные статьи ГК РФ.

В-третьих, гражданское законодательство, даже если это прямо не указано в СК РФ, может применяться к семейным отношениям в тех случаях, если они (отношения) не урегулированы семейным законодательством и соответствующие нормы гражданского законодательства не противоречат существу семейных отношений [9].

ГК РФ также содержит ссылки на семейное законодательство (напр., п. 4 ст. 256 ГК РФ, ст. 1147, ст. 1150 ГК).

Таким образом, взаимосвязь наук гражданского и семейного права имеет двухсторонний характер и проявляется в том, что наука гражданского права и выступает как фундаментальная отрасль знаний оказывает определенное влияние на развитие и содержание науки семейного права [10].

Разрабатывая основные понятия и институты, а наука семейного права, разрабатывая свойственные ей понятия и категории, тем самым, дополняет и детализирует определенные положения науки гражданского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антокольская, М. В. Семейное право / М.В. Антокольская. - Москва: СИНТЕГ, 2013. - 366 с.
2. Гомола, А. И. Семейное право / А.И. Гомола, И.А. Гомола, Е.Н. Саломатов. - М.: Академия, 2015. - 128 с.
3. Гомола, А. И. Семейное право / А.И. Гомола, И.А. Гомола, Е.Н. Саломатов. - М.: Академия, 2017. - 128 с.
4. Гомола, А. И. Семейное право / А.И. Гомола, И.А. Гомола, Е.Н. Саломатов. - М.: Академия, 2017. - 128 с.

5. Гонгало, Б. М. Гражданское право. Жилищное право. Семейное право. Избранное / Б.М. Гонгало. - М.: Статут, **2016**. - 256 с.
6. Ивашин, Д. И. Семейное право: моногр. / Д.И. Ивашин, И.И. Кубарь, С.С. Желонкин. - М.: Юнити-Дана, Закон и право, **2014**. - 168 с.
7. Капитова, О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации / О.В. Капитова. - М.: Юриспруденция, **2017**. - 136 с.

8. Корнеева, И. Л. Семейное право / И.Л. Корнеева. - М.: Юрайт, **2017**. - 368 с.
9. Кравцова, Л. Н. Семейное право / Л.Н. Кравцова. - М.: Феникс, **2016**. - 320 с.
10. Малышев Обычное семейное право киргизов / Малышев. - М.: Книга по Требованию, **2014**. - **307** с.

CONSTITUTIONAL BASE FOR UNIFICATION OF TERRITORIAL COMMUNITIES

Pravdiuk A.

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Law of Vinnytsia National Agrarian University, Faculty of Management and Law
DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-28-35](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-28-35)

Abstract

The article analyzes the constitutional base for unification of territorial communities. The main approaches to defining the essence of the concept of "territorial community", "unification of territorial communities" in the modern science of constitutional law are considered. The need to clearly define the constitutional status of the territorial community is emphasized, since it is the territorial community that is a primary subject of local self-government, the main bearer of its functions and powers. It is found that territorial communities cannot exist without an inherent set of functions and powers, including the right to unification of territorial communities.

The compliance of the legislation regulating the process of voluntary unification of territorial communities with the constituent constitutional norms is analyzed. The main stages of voluntary unification of territorial communities are considered, in particular, initiation of voluntary unification of territorial communities, formation of a proposal for unification, public discussion of the proposal, preparation and approval of decisions on voluntary unification of territorial communities, formation of the united territorial community and reorganization of local governments. It is proved that the Constitution of Ukraine guarantees the right to unite territorial communities, and the main task of the legislator should be further improvement of the legal framework in order to comply with the constitutional principles of local self-government.

Keywords: Constitution of Ukraine, territorial community, unification of territorial communities, local self-government.

Formulation of the problem. Building of a democratic state involves the development of an effective decentralized system of public power based on the rule of law and priority of a man as the highest social value. These goals cannot be achieved without the development of an adequate system of local self-government and adequate legal support for the functioning of territorial communities. Integration into the European Union presupposes compliance with the level of European and world legal standards. In addition, Ukraine has ratified the European Charter of Local Self-Government [4], which defines new principles of organization and functioning of local self-government bodies as well as directions of their reformation.

Local self-government as the right of a territorial community to govern its territory provided and guaranteed by the Constitution and laws of the country is an unconditional sign of democracy. Ukraine recognizes and guarantees local self-government, and thus it builds a civil society, a democratic state governed by the rule of law, the priority of human rights, and the separation of powers.

Today Ukraine is experiencing powerful processes of decentralization and administrative-territorial reform as well as unification of territorial communities. In accordance with the Concept of reformation of local

self-government and territorial organization of power [13], a new legal framework, which provides legal conditions and mechanisms for the formation of capable territorial communities, is being formed. Therefore, an important objective of the science of constitutional law is to study and research local self-government as a constitutional and legal institution, a system of local self-government, guarantees and mechanisms for implementing local self-government to ensure fundamental rights of the territorial community.

Analysis of recent research. Local self-government and the status of territorial communities have been examined in the scientific works by M.O. Baimuratov, O.V. Batanov, V.I. Bordeniuk, I.P. Butko, O.I. Vasylieva, N.V. Vasylieva, I.V. Drobush, A.A. Kovalenko, M.I. Korniienko, V.V. Kravchenko, V.S. Kuibida, Y.O. Kutsa, V.F. Pohorilko, M.O. Pukhtynskyi, Y.M. Todyka, V.L. Fedorenko, O.M. Chernenchenko and other scientists. However, in the context of decentralization and administrative reform, the constitutional principles of unification of territorial communities in Ukraine need to be studied in detail.

The purpose of the article. The purpose of the article is to analyze the constitutional and legal principles of unification of territorial communities in Ukraine and the system of normative and legal acts that regulate

functioning of the united territorial community, to determine the main directions for improving the legislation in order to comply with and implement the constitutional principles of local self-government.

Presentation of the main material. The Constitution of Ukraine defines local self-government as the right of a territorial community, i.e. “residents of the village or voluntary unification of residents of several villages, settlements and towns in a rural community, to independently solve local issues within the Constitution and laws of Ukraine” [11]. In fact, two concepts have been defined in this norm, namely “local self-government” and “territorial community”. Hence, if we assume that a territorial community is the residents of a village or a voluntary unification of the residents of several villages, settlements and towns into a rural community, then the definition of local self-government can be simplified. Thus, local self-government is the right of a territorial community to independently resolve issues of local significance within the framework of the Constitution and laws of Ukraine.

The territorial community is the center of building civil society and the rule of law in Ukraine. A socio-legal structure of such a multifaceted phenomenon as the territorial community includes the concept of population as a social community of residents united by common activities, interests and goals to meet the needs of life, living environment, recreation, education, and communication. A territorial community is a complex form of social organization, a set of people (local residents who are not only citizens of Ukraine, but also foreigners, stateless persons, refugees) united on a public basis within a certain territory [12, p. 972].

Nowadays, in Ukraine the foundations of the continental “community” model of local self-government have been established at the constitutional level, and its basic values, tasks and principles have been stated in the Constitution and laws of Ukraine. Thus, the main features of the “public” model of local self-government have been specified in the normative content of the Constitution of Ukraine (Article 140) [13], the European Charter of Local Self-Government [4], the Laws of Ukraine “On Local Self-Government in Ukraine” [7], “On the Bodies of Self-Organization of Population” [8], “On Cooperation of Territorial Communities” [9], “On the Principles of the State Regional Policy” [6], “On Voluntary Unification of Territorial Communities” [5], and other acts of current legislation. The civic concept of local self-government is stated in the Constitution of Ukraine, which stipulates that local self-government is the right of a territorial community, i.e. residents of villages or voluntary unification of the residents of several villages, settlements and towns, to resolve local issues within the Constitution and laws of Ukraine [15, p. 23].

Decentralization and reforms of local self-government, which are being actively implemented in Ukraine, are aimed to eliminate a number of problems in the functioning of territorial communities, since a vast majority of territorial communities have appeared to be unable to fulfill all local government powers due to their excessive fragmentation and extremely weak material and financial base. One of the ways to improve

the system of local self-government is to unite territorial communities and form capable territorial communities.

Many scholars and experts argue that unification of communities is a new progressive stage in the implementation of administrative-territorial reform and local self-government reform. A capable territorial community is a community in which local sources of budgeting, infrastructure and human resources are sufficient to address their own issues of local significance provided by law in the interests of community members. According to the European Charter of Local Self-Government, local self-government is “the right and ability of the bodies of local self-government to regulate and manage a significant share of public affairs, which are under the competence of local self-government bodies, in the interests of local population” [3].

For the science of constitutional law, a clear definition of the constitutional status of a territorial community is extremely important, because it is the territorial community that is the primary subject of local self-government, the main bearer of its functions and powers. A territorial community cannot exist without its inherent set of functions and powers, including the right to unification of territorial communities.

The Law of Ukraine “On Local Self-Government in Ukraine” stipulates that “territorial community is the residents united by permanent residence within a village, settlement, town, which are independent administrative-and-territorial units, or voluntary unification of residents of several villages that have a single administrative center” (Article 1). The primary subject of local self-government, the main bearer of its functions and powers is the territorial community of the village, settlement, and town (Article 6). Thus, the citizens of Ukraine exercise their right to participate in local self-government precisely on the basis of belonging to the relevant territorial communities [7].

Article 3 of the Law of Ukraine “On Voluntary Unification of Territorial Communities” stipulates that “a united territorial community, the administrative center of which is a town is called a town territorial community, if the center of the territorial community is a settlement then it is defined as a settlement territorial community” [5].

According to V. F. Pohorilko, M. O. Baimuratov, Y. Y. Baltsii, in the system of local self-government the main producer of its interests is the local community that is defined as a territorial community, and the conceptual term “territorial community” has been introduced in the contemporary domestic law science as synonym to “territorial collective”, “local community” [16, p. 247, 254].

According to O.V. Batanov, the category of “territorial community” most optimally reveals the essence of the phenomenon, which it characterizes, concentrating in itself the value-semantic content of local self-government (its basic values, place and significance in the social and constitutional mechanism) [1, p. 68]. He offers his definition of the territorial community (indicating that it is a collective) as a territorial community consisting of individuals – residents who permanently live, work in the village (or voluntary unification of

several villages in a single community), settlement or town, directly or through the municipal structures formed by them, resolve the issues of local significance, have common communal property, own real estate in the area, pay communal taxes and are connected by territorial-and-personal relations of a systemic nature [1, p. 77].

Fedorenko V. L. emphasizes that local self-government is the right of the territorial community determined by the Constitution and laws of Ukraine to resolve the issue of local significance independently, upon its responsibility, directly or through local self-government bodies formed by the territorial community [19, p. 576].

Summarizing the analysis of different approaches given above, there can be identified the following main features of the territorial community, which are stated in the legislation of Ukraine:

- territorial – cohabitation of persons (residents) who are part of the community in a certain territory (within a certain administrative-and-territorial unit – village, settlement, town – Part 1 of Article 140 of the Constitution);

- integrative – territorial community arises on the basis of unification of all residents living in a certain territory, regardless of whether they are citizens of the state, i.e. members of the territorial community may be citizens of this state, as well as foreign citizens, stateless persons who permanently reside in a certain area. It is possible to include refugees and displaced persons in the territorial community;

- intellectual – the constitution of the territorial community is based on the common interests of residents that have a specific nature and manifest themselves in a wide range of systemic individual-and-territorial relations (the main object of activity of the territorial community is the issues of local significance – Part 1 of Article 140 of the Constitution of Ukraine);

- property – territorial community is a subject of communal property (it owns movable and immovable property, local budget revenues, other funds, land, natural resources owned by the territorial communities – Part 1 of Article 142 of the Constitution of Ukraine);

- fiscal – members of the territorial community are payers of local taxes and fees (Article 67 of the Constitution of Ukraine) [11].

A constitutional definition of the territorial community emphasizes that local self-government as a specific form of public power is characterized, first of all, by the availability of a special entity, namely the territorial community, which exercises its power both directly and through local government bodies and officials. In addition, it holds a special place in the political system of Ukraine: local self-government, its bodies are not part of the mechanism of state power, although this does not mean its full autonomy from it.

The relationship between local self-government and the state is quite close. It is manifested in the fact that local self-government and state power have a single source, i.e. the people, as well as in the fact that local self-government bodies may be given separate executive powers by law. At the same time, local self-government as an element of the political system shows

that in the country, along with the interests of the individual and the state, local (municipal) interests related to solving the issues of direct livelihoods are recognized and guaranteed. At the same time, municipal interests are considered not as subordinate to the state, but as equal.

Finally, local self-government has a special object of activity, namely the issues of local significance, the list of which in the form of subjects of jurisdiction of local self-government bodies and officials is defined by the Law “On Local Self-Government in Ukraine”. In addition, provisions of Part 1 let us argue that the state recognizes a special right in the system of constitutional rights and freedoms of a man and citizen, i.e. the right of the territorial community to local self-government. Thus, declaring local self-government as the basis of the constitutional order (Article 7 of the Constitution), the legislator, on the one hand, treats local self-government as the right of the territorial community – villagers or voluntary unification of residents of several villages, settlements and towns in a rural community, and on the other hand, he considers local self-government as a means of resolving issues of local significance noting that the rights of local self-government are protected in the court (Article 145 of the Constitution). Another situation can be observed in the Law “On Local Self-Government in Ukraine”, in which Article 3 deals with the right of citizens of Ukraine to participate in local self-government. At the same time, the most important “components” of the rights of citizens to participate in local self-government are provided in this Law separately: the right to elect and be elected to local self-government bodies (Article 45); the right to participate in a referendum (Article 7); the right to participate in the general meeting of citizens at the place of residence (Article 8); the right to initiate any issue referred to the jurisdiction of local self-government (in the order of local initiative) in local councils (Article 9), etc. Therefore, there are several aspects of the constitutional interpretation of the right to local self-government including the rights of citizens of Ukraine, collective law of the territorial community and guarantees of realization and protection of these rights [12, p. 972-973].

The content of provisions of Chapters I, II and XI of the Basic Law gives grounds to single out the following principles of local self-government: a) the rule of law in the activities of local self-government; b) inalienability of the citizens’ right to local self-government; c) democracy, primarily electability and changeability of representative bodies of local self-government; d) equal access of citizens to service in local self-government bodies; e) transparency of the organization and activity of local self-government bodies; e) subsidiarity; f) decentralization of public authority at places; g) voluntary unification of territorial communities [11].

Having defined in Chapter XI of the Constitution of Ukraine the basic principles of local self-government, its bodies, material and financial basis, etc., the Constitution of Ukraine referred other issues of organization of local self-government, formation, activity and responsibility of its bodies to those defined by law (Article 146 of the Constitution). Thus, at the constitu-

tional level, it provides for the creation of legal conditions for further legislative regulation of public relations in the field of local self-government. After all, issues of local self-government that are not regulated by the Constitution of Ukraine, including the conditions and procedure for uniting or separating territorial communities of villages, settlements, cities, must be determined by law (Article 146 of the Constitution of Ukraine). Part 1 of Article 140 of the Constitution of Ukraine provides for the possibility of voluntary unification of residents of several villages into a rural community, but it does not establish the procedure for unification or separation of communities. This procedure is provided by the relevant laws [17].

With the adoption of the Law of Ukraine "On Local Self-Government in Ukraine" in 1997 and until 2015, voluntary unification of territorial communities into a rural community and withdrawal from its membership could take place only by the decision of local referendums. However, such procedure of unification appeared to very difficult for implementation. The Law of Ukraine "On Voluntary Unification of Territorial Communities" is designed to ensure the constitutional right of voluntary unification of territorial communities. Its main task is to regulate relations arising in the process of voluntary unification of territorial communities of villages, settlements, towns and voluntary accession to united territorial communities [5].

Since by content of the relevant provisions of the Constitution and the Law of Ukraine "On Local Self-Government in Ukraine" the system of local governments (and hence the system of territorial communities that form them) is inextricably linked with the system of administrative-territorial organization, which is defined in Part 1 of Article 133 of the Constitution of Ukraine, it is quite obvious that voluntary unification or separation of territorial communities by local referendums should always be accompanied by the creation of appropriate administrative-territorial units, within which local self-government should be carried out.

This conclusion can be drawn based on Article 1 of the Law of Ukraine "On Local Self-Government in Ukraine", according to which the territorial community is the residents united by permanent residence within the village, settlement, town, which are independent administrative-territorial units, or voluntary unification of residents of several villages that have a single administrative center".

This means that territorial communities cannot arbitrarily unite into one territorial community or leave it solely by the decision of local referendums.

According to the provisions of paragraph 13 of Part 1 of Article 92, Article 132 and Part 1 of Article 133 of the Constitution of Ukraine, the issues determining the internal territorial organization of the state, including the formation, liquidation, change of administrative-territorial units, are mostly the issues of national importance referring to the population of the respective administrative-territorial units as well as society as a whole. Therefore, the solution of these issues involves direct participation of the state in the face of the rele-

vant public authorities, which is, in particular, reproduced in paragraph 29 of Part 1 of Article 85 of the Constitution of Ukraine.

To ensure the constitutional right of voluntary unification of territorial communities, amendments were made to the Law of Ukraine "On Local Self-Government", according to which territorial communities, in the manner prescribed by law, may unite into one village, settlement, town territorial community, form a single local government and elect a village, settlement, town mayor, respectively. Territorial communities of a village, settlement, town, which have voluntarily united into one territorial community, may leave the united territorial community according to the procedure prescribed by law" [7].

The Law of Ukraine "On Voluntary Unification of Territorial Communities" is consistent with the requirements of Article 132 of the Constitution of Ukraine, according to which creation of administrative-territorial units should be carried out considering primarily economic, political, environmental, geographical, demographic, historical, cultural and other factors, not only the will of the relevant territorial communities.

Voluntary unification of territorial communities of villages, settlements, towns is carried out in compliance with the principles of constitutionality and legality, voluntariness, economic efficiency, state support, ubiquity of local self-government, transparency and openness, responsibility.

Voluntary unification of territorial communities of villages, settlements, towns in accordance with Article 4 of the Law of Ukraine "On Voluntary Unification of Territorial Communities" approved on February 5, 2015 is carried out in compliance with the following conditions:

- there can be no other territorial community, which has its own representative body of local self-government, within the united territorial community;
- the territory of the united territorial community must be inseparable, the boundaries of the united territorial community are determined by the external boundaries of the jurisdiction of the councils of the united territorial communities;
- the united territorial community must be located within the territory of the Autonomous Republic of Crimea, one oblast;
- historical, natural, ethnic, cultural and other factors influencing socio-economic development of the united territorial community are taken into account when making decisions on voluntary unification of territorial communities;
- the quality and availability of public services provided in the united territorial community may not be lower than before the unification.

According to the procedure established by the law, territorial communities can unite in one village, settlement, town territorial community, form uniform bodies of local self-government and elect the village, settlement, town mayor, respectively. Territorial communities of the village, settlement, town, which have voluntarily united into one territorial community, may leave the united territorial community in accordance with the procedure established by law.

The administrative center of the united territorial community is defined as a settlement (village, settlement, town), which has a developed infrastructure and, as a rule, is the closest to the geographical center of the territory of the united territorial community. Voluntary unification of territorial communities does not change the status of settlements as rural or urban areas [5].

The law defines the procedure for voluntary unification of territorial communities, which includes the following stages: 1) initiation of voluntary unification of territorial communities; 2) formation of a proposal for unification; 3) public discussion of the proposal, preparation and approval of decisions on voluntary unification of territorial communities; 4) formation of a united territorial community and reorganization of local self-government bodies.

Thus, in accordance with Article 5, initiators of voluntary unification of territorial communities of villages, settlements, and town can be a village, settlement, town mayor; not less than one third of deputies from the general structure of village, settlement, town council; members of the territorial community in the order of local initiative; bodies of self-organization of the population of the corresponding territory (provided that they represent the interests of at least one third of the members of the corresponding territorial community).

The village, settlement, town mayor ensures the study of the proposal to initiate a voluntary unification of territorial communities and its public discussion, which is held within 30 days from the date of receipt of such a proposal. After the public discussion, the proposal is submitted to the relevant council for the next session to make a decision on giving the consent to the voluntary unification of territorial communities and delegation of the representative (representatives) to the joint working group.

When the decision of the relevant council to give the consent to the voluntary unification of territorial communities is made, the village, settlement, town mayor sends a proposal for such unification to the village, settlement, town mayor of the adjacent territorial community. In his turn, the village, settlement, town mayor of the adjacent territorial community ensures the study of the proposal for voluntary of territorial communities and its public discussion, which is held within 30 days from the date of the proposal receipt. After the public discussion, the proposal is submitted to the relevant council for the next session to make a decision on giving the consent to voluntary unification of territorial communities and delegation of representative (representatives) to the joint working group or on the refusal to consent (Article 6) [5].

As it can be seen, Articles 5 and 6 of the Law correspond to the constitutional principle of democracy, which stipulates that territorial communities, in accordance with the Constitution and laws of Ukraine, exercise their power directly at places (local referendums, local elections, general meetings, local initiatives) and through representative bodies (local councils, village, settlement mayors, village headmen).

In the case the decision on giving the consent to voluntary unification of territorial communities is

made, the village, settlement, town mayor, who initiated unification, makes a decision on the formation of the joint working group (formed of an equal number of representatives from each territorial community) to make draft decisions on voluntary unification of territorial communities. Formation of the joint working group is the beginning of the procedure of voluntary unification of territorial communities.

The goal of the joint working group is to prepare relevant draft decisions on the voluntary unification of territorial communities, which undergo a procedure of public debate and only then they can be approved (Article 7). Draft decisions on voluntary unification of territorial communities approved by village, settlement, and town councils are submitted to the regional state administration within five days to provide an opinion on the compliance of the draft decision with the Constitution and laws of Ukraine.

If the draft decision on voluntary unification of territorial communities complies with the Constitution and laws of Ukraine, village, settlement, and town councils make decisions on voluntary unification of territorial communities or on holding a local referendum to support unification of territorial communities.

The united territorial community is considered to be formed from the date of coming into force of the decisions of all councils that decided on voluntary unification of territorial communities, or from the date of coming into force of the decision to support voluntary unification of territorial communities at the local referendum or under the condition of compliance of such decisions with the resolution [5].

The powers of village, settlement, and town councils as well as village, settlement, and town mayors elected by the united territorial communities are terminated on the day of taking powers by the village, settlement, and town council elected by the united territorial community (Article 8).

After completion of powers of village, settlement, town councils elected by the united territorial communities, their executive committees continue to exercise their powers until the approval of members of the executive committee by the village, settlement, town council elected by the united territorial community. During this period, the village, town, town mayor elected by the united territorial community heads such executive committees and becomes their member.

Upon completion of powers of the village headman, who alone performed the functions of the executive body of the village council in the territorial community that became part of the united territorial community, the relevant functions are performed individually by the village, settlement, town mayor elected by the united territorial community from the day he is given powers until the approval of the members of the executive committee by the relevant village, settlement, town council (Article 8) [5].

The united territorial community is a legal successor of all property, rights and obligations of the united territorial communities from the date of taking powers by the village, settlement, town council elected by such united territorial community.

From the date of taking powers by the village, settlement, town council elected by the united territorial community, in the manner prescribed by this Law, relevant legal entities – village, town, town councils elected by the united territorial communities and located outside the administrative center of the united territorial community are reorganized by joining them to a legal entity – village, settlement, town council located in the administrative center of the united territorial community. After the completion of reorganization, relevant legal entities – village, settlement, town councils are terminated.

The legal entity – village, settlement, town council located in the administrative center of the united territorial community is the legal successor of the rights and obligations of all legal entities – village, settlement, town councils elected by the united territorial communities from the date of taking powers by the village, settlement, town council elected by the united territorial community [5].

The name of the representative body of local self-government of the united territorial community as a legal entity consists of the part that derives from the proper name of the settlement determined by its administrative center, in the form of an adjective and a corresponding general name of the representative body of local self-government (village, settlement, town council) (Article 8).

The legislation ensures state support for voluntary unification of territorial communities and accession to united territorial communities. Thus, the state provides informational, educational, organizational, methodological and financial support for the voluntary unification of territorial communities and accession to the united territorial communities.

Hence, the state provides financial support for the voluntary unification of territorial communities of villages, settlements, towns and accession to the united territorial communities through the provision of the united territorial community with funds in the form of subventions for the formation of appropriate infrastructure in accordance with the plan of socio-economic development of such territorial community. The principle of state support and guarantee of local self-government develops normative regulations of Article 7 and Article 142 of the Constitution of Ukraine.

The total amount of financial support is distributed between the budgets of the united territorial communities according to the area of the united territorial community and the number of rural population in such a territorial community with equal value of both factors (Articles 9-10 of the Law of Ukraine “On Voluntary Unification of Territorial Communities”).

In villages, settlements determined by the decision of the local council of the united territorial community formed in accordance with the Law of Ukraine “On Voluntary Unification of Territorial Communities”, except for its administrative center, the village headman is elected for the term for which the local council is empowered.

The headman is an official of the local self-government body, and he is empowered to perform the following tasks:

- representation of interests of residents of the village, settlement in executive bodies of village, settlement, town council;
- assistance to villagers in the filling in the documents submitted to local government bodies;
- participation in the development of the draft budget of the territorial community in part of financing programs implemented on the territory of the particular village, settlement;
- submission of proposals to the executive committee of the village, settlement, town council on the activities in the particular village or settlement, executive bodies of the village, settlement, town council, enterprises, institutions, organizations of communal ownership and their officials;
- performance of other duties defined by the Regulations on the Headman (Article 14).

The principle of the rule of law, defined in Part 1 of Article 8 of the Constitution of Ukraine as a common one to all legal relations, including the field of local self-government, is one of the main principles, implementation of which should be ensured by the legislation when uniting the territorial community. After all, the violation of natural rights, both of the territorial community itself and those of residents who form it, is unacceptable at the level of the territorial community in a democratic society. Since the principle of the rule of law in local government justifies the completeness and inalienability of power of the territorial community at the local level, its subordination exclusively to the Constitution and laws of Ukraine, as well as the collective legitimate interests of residents of a particular territorial community [20, p.211].

The principle of legality presupposes that local self-government in Ukraine is based exclusively on the provisions of the Constitution and laws of Ukraine. The content of this principle is set out in Part 1 of Article 19 of the Basic Law, which obliges local governments and their officials in the process of unification of territorial communities to act exclusively “in the manner and within the limits set by the Constitution and laws of Ukraine”. Violation of the provisions of the Constitution and laws of Ukraine on local self-government causes constitutional, administrative, criminal, and sometimes material and disciplinary liability [11].

An important component of the process of unification of territorial communities is the principle of public town (openness, transparency), according to which all local governments, especially local governments and their officials, exercise their powers publicly and openly. For example, the decision to unite territorial communities is made at the public discussion, and it is open.

At the same time, cooperation of local self-government entities with state bodies is based on such an important principle of local self-government as the principle of combining local and state interests. This principle provides for close and mutually responsible cooperation of local self-government with state authorities, i.e. higher and central state authorities, as well as with local state administrations, in particular on the implementation of state programs of socio-economic and

cultural development of districts and regions. In addition, according to Part 3 of Article 143 of the Constitution of Ukraine, the state participates in the formation of revenues of local government budgets and financially supports local government.

The Laws of Ukraine “On Local Self-Government in Ukraine” and “On Voluntary Unification of Territorial Communities” also ensure implementation of the principle of election and change of local self-government bodies: deputies of local councils, village headmen, as well as village, settlement and town mayors are elective and removable.

An important principle of local self-government is the legal, organizational as well as material and financial independence of local self-government within the powers defined by law. This principle combines some general foundations, principles, each of which has its own value: legal, organizational and financial independence. For example, a united territorial community is the legal successor of all property, rights and obligations of the united territorial communities from the date of taking power by the village, settlement, town council elected by such united territorial community.

The principle of legal independence (autonomy) of local governments and their bodies is based on the fact that they must have their own powers defined by the Constitution and laws of Ukraine. In accordance with Part 1 of Article 16 of the Law of Ukraine “On Local Self-Government in Ukraine”, local governments are legal entities and they are provided with their own powers by this or other laws, within which they act independently and are responsible for their activities in accordance with the law.

The principle of material and financial independence (autonomy) of local self-government is based on the right of territorial communities and local self-government bodies formed by them to own, use and dispose the property being communal ownership, which is independent, separate from state ownership as well as individual financial resources that are sufficient, as stated in Article 9 of the European Charter of Local Self-Government, for the exercise of individual powers of local self-government and its bodies [4].

An important organizational and legal principle of local self-government is the principle of accountability and responsibility of their bodies and officials to territorial communities, which stipulates that the activities of representative bodies and officials of local self-government are subject to public control by territorial communities, including public hearings.

According to Article 13 of the Law of Ukraine “On Local Self-Government in Ukraine”, territorial community has the right to hold public hearings, meetings with deputies of local councils and local government officials, during which members of the territorial community can hear them, raise issues and make mandatory proposals on the issues of local significance related to local self-government [20, p.214-215].

Based on the analysis of the norms of the Law of Ukraine “On Voluntary Unification of Territorial Communities”, it can be stated that they correspond to the basic constitutional principles of local self-government,

including the democracy; rule of law; legality; publicity; collegiality; combination of local and state interests; election; legal, organizational and material independence within the powers defined by the legislation of Ukraine; accountability and responsibility to territorial communities of their bodies and officials; state support and guarantees of local self-government; judicial protection of the rights of local self-government.

Conclusions. Nowadays, Ukraine is experiencing the process of constitutional regulation of the status of territorial communities, the main task of which is the development of local democracy and adequate formation of capable and united territorial communities that are able to resolve issues of local significance. The Constitution of Ukraine guarantees the right to voluntary unification of territorial communities in order to independently resolve issues of local significance within the Constitution and laws of Ukraine. Analysis of current legislation let us argue that in Ukraine there has been developed a system of normative-legal acts, which ensure implementation of the constitutional legal principles of unification of territorial communities that regulate functioning of the united territorial community, clarification of the main directions of improvement of the legislation in order to comply with and realize constitutional principles of local self-government. The main task of the legislator should be further improvement of the legal framework, appropriate changes to current laws of Ukraine, adoption of new laws and bylaws relating to the functioning of territorial communities in order to comply with the constitutional principles of local self-government.

REFERENCES:

1. Batanov O. V. Konstytutsiino-pravovyi status terytorialnykh hromad v Ukraini: Monohrafiia [Constitutional and legal status of territorial communities in Ukraine: Monograph]. Ed. V. F. Pohorilko. K.: Concern Publishing House “In Yure”. 2003. 512 p.
2. Vasylieva O. I., Vasylieva N. V. Kontseptualni zasady staloho rozvytku terytorialnykh hromad [Conceptual principles of sustainable development of territorial communities]. *Investytsii: praktyka ta dosvid [Investments: practice and experience]*. 2018. No 8. P. 74–78.
3. Yevdokimov O. V. Orhanizatsiine zabezpechennia funktsionuvannia ta rozvytku obiednanykh terytorialnykh hromad. Dysertatsiia na zdobuttia naukovoho stupenia kandydata ekonomichnykh nauk (doktora filosofii) za spetsialnistiu 08.00.05 – Rozvytok produktyvnykh syl i rehionalna ekonomika. Kharkivskiy natsionalnyi universytet miskoho hospodarstva imeni O.M. Beketova. DVNZ “Prykarpatskyi natsionalnyi universytet imeni Vasylia Stefanyka”. [Organizational support for the functioning and development of united territorial communities. Thesis for a scientific degree of Candidate of Economic Sciences (Doctor of Philosophy) in specialty 08.00.05 – Development of Productive Forces and Regional Economy. Kharkiv National University of Municipal Economy named after O.M. Beketov. Vasyl Stefanyk Precarpathian National University]. Ivano-Frankivsk, 2019. 203 p.

4. Ievropeiska khartiia mistsevoho samovriaduvannia m. Strasburh [European Charter of Local Self-Government]. October 15, 1985. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_036#Text (data zvernennia 22.11.2020).
5. Zakon Ukrainy "Pro dobrovilne obiednannia terytorialnykh hromad" vid 5 liutoho 2015 roku N 157-VIII [The Law of Ukraine "On Voluntary Unification of Territorial Communities" of February 5, 2015 N 157-VIII]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/157-19#Text> (access date January 1, 2021).
6. Zakon Ukrainy "Pro zasady derzhavnoi rehionalnoi polityky" vid 5 liutoho 2015 roku N 156-VIII [The Law of Ukraine "On the Principles of the State Regional Policy" of February 5, 2015 N 156-VIII]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/156-19#Text> (access date November 27, 2020).
7. Zakon Ukrainy "Pro mistseve samovriaduvannia v Ukraini" vid 21 travnia 1997 roku N 280/97-VR [The Law of Ukraine "On Local Self-Government in Ukraine" of May 21, 1997 N 280/97-BP]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80#Text> (access date January 7, 2021).
8. Zakon Ukrainy "Pro orhany samoorhanizatsii naselennia" vid 11 lypnia 2001 roku N 2625-III [The Law of Ukraine "On the Bodies of Self-Organization of Population" of July 11, 2001 N 2625-III]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2625-14#Text> (access date 10.01.2021).. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2625-14#Text> (access date January 10, 2021).
9. Zakon Ukrainy "Pro spivrobitnytstvo terytorialnykh hromad" vid 17 chervnia 2014 roku N 1508-VII [The Law of Ukraine "On Cooperation of Territorial Communities" of June 17, 2014 N 1508-VII]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1508-18#Text> (access date November 22, 2020).
10. Kyrychenko Y. M. Terytorialna hromada yak bazovyi element systemy mistsevoho samovriaduvannia Ukrainy: teoretychne vyznachennia [Territorial community as a basic element of the system of local self-government of Ukraine: theoretical definition]. *Forum Prava [Forum of Law]*. 2012. N 4. P. 451-457.
11. Konstytutsiia Ukrainy vid 28.06.1996 r. N 254/k/96-VR [The Constitution of Ukraine of June 28, 1996 N 254/k/96-VR]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/rada/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (access date January 10, 2021).
12. Konstytutsiia Ukrainy. Naukovo-praktychnyi komentar [The Constitution of Ukraine. Scientific and practical commentary]. Ed. V. Y. Tatsii, O. V. Petryshyn, Y. H. Barabash et al.; National Academy of Law Sciences of Ukraine, 2nd Ed., Kharkiv: Pravo. 2011. 1128 p.
13. Kontseptsiiia reformuvannia mistsevoho samovriaduvannia ta terytorialnoi orhanizatsii vlady, zatverdzhena rozporiadzhenniam Kabinetu Ministriv Ukrainy vid 1 kvitnia 2014 r. № 333-r [The Concept of Reformation of Local Self-Government and Territorial Organization of Power approved by the Order N 333-r of the Cabinet of Ministers of Ukraine on April 1, 2014. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/333-2014-%D1%80#Text> (access date January 5, 2021).
14. Maidannyk O.O. Konstytutsiine pravo Ukrainy: Navch. posib. [Constitutional Law of Ukraine: Textbook]. Kyiv: Alerta. 2011. 380 p.
15. Metodyka formuvannia spromozhnykh terytorialnykh hromad, zatverdzhena postanovoiu Kabinetu Ministriv Ukrainy vid 08.04.2015 r. [Methodology of Formation of Capable Territorial Communities approved by the resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine on April 8, 2015]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/214-2015-%D0%BF> (access date 22.11. 2020)
16. Pohorilko V. F., Baimuratov M. O., Baltsii Y. Y. Munitsypalne pravo Ukrainy: pidruchnyk [Municipal Law of Ukraine: Textbook]. Ed. Baimuratova M. O. 2nd Ed. Kyiv: Pravova yednist. 2009. 720 p.
17. Rishennia Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy vid 18 chervnia 2002 r. N 12 rp/2002 (sprava pro obiednannia terytorialnykh hromad) [Resolution of the Constitutional Court of Ukraine of June 18, 2002 N 12rp/2002 (case on the unification of territorial communities). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v021p710-03#Text> (access date January 11, 2021).
18. Terytorialni hromady v umovakh detsentralizatsii: ryzyky ta mekhanizmy rozvytku: monohrafiia [Territorial communities in terms of decentralization: risks and mechanisms of development: a monograph]. Ed. Kravtsiva V.S., Storonyanska I.Z. Lviv: SI "Institute of Regional Studies named after M.I. Dolishny of NAS of Ukraine, 2020. 531 p. (Series "Problems of Regional Development"). URL: <https://ird.gov.ua/irdp/p20200001.pdf> (access date January 11, 2021).
19. Fedorenko V. L. Konstytutsiine pravo Ukrainy: pidruch.; Do 20-oi richnytsi Konstytutsii Ukrainy ta 25-oi richnytsi nezalezhnosti Ukrainy [Constitutional law of Ukraine: textbook; To the 20th anniversary of the Constitution of Ukraine and the 25th anniversary of Ukraine's independence]. Kyiv: Lira Publishing House. 2016. 576 p.
20. Fedorenko V. L., Chernenchenko O. M. Konstytutsiini modeli mistsevoho samovriaduvannia u derzhavakh- uchastnytsiakh YeS, Shveitsarii ta Ukraini: monohraf [Constitutional models of local self-government in the member states of the EU, Switzerland and Ukraine: monograph]. Ed. V. L. Fedorenko. Kyiv: Vydavnytstvo Lira-K. 2017. 288 p.
21. Shapoval T.B., Chubina A.S. Mistseve samovriaduvannia v Ukraini yak konstytutsiino-pravovyi instytut [Local self-government in Ukraine as a constitutional and legal institution]. *Vcheni zapysky TNU im. Vernadskoho. Serii: yurydychni zapysky [Scientific Notes of TNU named after Vernadsky. Series: Legal Notes]*, Volume 29 (68), N 6 (18). P. 33-38. URL: http://www.juris.vernadskyjournals.in.ua/journals/2018/6_2018/8.pdf (access date January 10, 2021).

REGARDING THE PECULIARITIES OF INTERROGATION OF SUSPECTS, VICTIMS AND WITNESSES IN THE INVESTIGATION OF PICKPOCKETING**Feschin M.***Postgraduate student of the Department of Criminalistics and Premedical Training, Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs***ЩОДО ОСОБЛИВОСТЕЙ ПРОВЕДЕННЯ ДОПИТУ ПІДОЗРЮВАНОГО, ПОТЕРПІЛОГО ТА СВІДКІВ ПРИ РОЗСЛІДУВАННІ КИШЕНЬКОВИХ КРАДІЖОК****Фещин М.А.***аспірант кафедри криміналістики та домедичної підготовки Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ*DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-36-40](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-36-40)**Abstract**

The article considers the peculiarities of interrogation of suspects, victims and witnesses in the investigation of pickpocketing. The tactical conditions of the interrogation, which directly affect the effectiveness of the interrogation, have been determined. Emphasis is placed on the consequences of investigative errors during interrogation. The peculiarities of establishing contact with the victim, if he in some way by his behavior gave an excuse or facilitated, caused the commission of a crime, as well as the peculiarities of the interrogation of the suspect are described.

Анотація

У статті розглянуто особливості проведення допиту підозрюваного, потерпілого та свідків при розслідуванні кишенькових крадіжок. Визначено тактичні умови проведення допиту, які безпосередньо впливають на результативність допиту. Акцентовано увагу на наслідках допущення слідчих помилок при допиті. Охарактеризовано особливості встановлення контакту з потерпілим, якщо він певним чином своєю поведінкою дав привід або полегшив, зумовив вчинення злочину, а також особливості допиту підозрюваного.

Keywords: pickpocketing, investigation, investigative (search) actions, interrogation, victim, witness, suspect

Ключові слова: кишенькова крадіжка, розслідування, слідчі (розшукові) дії, допит, потерпілий, свідок, підозрюваний

Одним із найпоширеніших видів злочину в містах є кишенькова крадіжка. Понад 80 відсотків кишенькових крадіжок припадає на жінок, жінки слабші і не можуть чинити опір злочинцю, на це і розраховують кишенькові злодії. Як правило, кишенькові крадіжки вчиняються у так звані «години пік», коли громадяни утворюють натовп, в якому злодію легко діяти. Вибравши певну жертву кишеньковий злодій, скориставшись натовпом, за лічені хвилини, і навіть секунди, вчиняє злочин. Найпоширеніші місця крадіжок, це громадський транспорт або його зупинки, черги в магазинах і ринки [1]. Ефективність боротьби із кишеньковими крадіжками кримінально-процесуальними засобами у значній мірі залежить від чіткості правової регламентації слідчих дій, а також якості наукових рекомендацій щодо їх провадження, розроблених у рамках криміналістичної тактики [2, с.3]. У зв'язку з цим, великий теоретичний та практичний інтерес являє собою наукове дослідження особливостей тактики проведення допиту підозрюваного, потерпілого та свідків, ефективність яких значною мірою визначає і успішність розслідування справи.

Проблемам розкриття, розслідування та попередження кишенькових крадіжок присвячені роботи зарубіжних та вітчизняних вчених таких, як В. Д. Берназ, В. І. Бобир, А. І. Гуров, Г. Г. Зарубін, А.

Ф. Кобзар, Л. В. Кокорева, Е. В. Пряхін, В. П. Самойлов, ІВ. Сервецький, К. А. Чаплинський, Н. П. Яблоков, І. М. Якимов та ін. Питанням тактики проведення допиту підозрюваного, потерпілого та свідків, у тому числі при розслідуванні кишенькових крадіжок, присвячені роботи зарубіжних та вітчизняних вчених таких, як М. Б. Головкин, А. І. Гуров, А. Ф. Кобзар, Б. Є. Лук'янчиков, Є. Д. Лук'янчиков, Л. А. Остапенко, І. П. Осипенко, С. Ю. Петряєв, М. П. Черненко, М. Г. Чернець, Ю.Л. Шуляк, І. Н. Якимов та ін.

Запропоновані авторами висновки і методичні рекомендації, безумовно, і зараз сприяють розкриттю і розслідуванню кишенькових крадіжок. Однак вважати, що всі проблеми тактики проведення допиту підозрюваного, потерпілого та свідків при розслідуванні зазначеного виду злочинів вирішені, було б помилковим. **Метою** нашої статті є визначення її характеристика тактичних особливостей проведення допиту підозрюваного, потерпілого та свідків під час розслідування кишенькових крадіжок і надання відповідних рекомендацій по його вдосконаленню.

Специфіка розкриття та розслідування кишенькових крадіжок певним чином визначається особливостями їх вчинення. Прихованість та короткочасність дій злочинця є наслідком недостатності

або відсутності корисної інформації про подію, що розслідується – в багатьох випадках невідома особа злочинця та місце вчинення крадіжки. Складнощі у розслідуванні даної категорії справ кримінального провадження зумовлені наступними чинниками:

гострим дефіцитом часу, який викликаний необхідністю проведення великого обсягу роботи в стислі строки; складністю організації взаємодії між слідчим і працівниками інших служб, які беруть участь у розкритті та розслідуванні даного злочину; небажанням свідків, а іноді й самих потерпілих (особливо у випадках завдання незначної шкоди), повідомляти працівникам поліції свої прізвища, адреси та намагання якнайскоріше залишити місце події.

Досягненню основної мети розслідування – встановленню та викриттю злочинця, виявленню викраденого – повинні бути підкорені слідчі дії та оперативно-розшукові заходи.

У ході досудового розслідування злочинів доволі розповсюдженими є ситуації, коли слідчому доводиться самому вибирати, яку саме процесуальну дію потрібно провести. У таких випадках важливо визначити, чи зможе певна дія сприяти досягненню пізнавальної мети на тому або іншому етапі досудового розслідування. Правильний вибір процесуальної дії, необхідної в кожному конкретному випадку, сприятиме оптимізації процесу розслідування злочинів під час провадження кримінально-процесуальної діяльності [3, с. 62].

Після встановлення факту кишенькової крадіжки доцільно без затримки допитати потерпілого та свідків очевидців про обставини її вчинення, затримання підозрюваного.

Допит є найбільше поширеним способом отримання відомостей. У той же час допит – одна із складних слідчих (розшукових) дій. Його проведення вимагає від слідчого високої загальної та професійної культури, глибокого знання психології людини. *Мета допиту* полягає в отриманні повних та таких, що об'єктивно відображують дійсність показань. Ці показання є джерелом доказів, а фактичні дані, які в них містяться – доказами. Процесуальний порядок допиту передбачений ст. 224 КПК. [4, с.76].

Процес формування показань – від сприйняття якого-небудь факту про явища до передачі інформації про них носить психологічний характер, протягом якого на психіку людини впливають численні об'єктивні і суб'єктивні фактори. Дія цих факторів, спеціально досліджуваних такою наукою як судова психологія, повинна бути добре відома слідчому. Він зобов'язаний знати засновані на даних судової психології тактичні прийоми, що дозволяють послабити шкідливий вплив цих факторів на повноту й об'єктивність показань, заповнити виникаючі в результаті їх впливу прогалини, відновити пам'ять, упорядкувати відтворення інформації, що зберігається в пам'яті допитуваного. Коло обставин, які слідчий має намір з'ясувати шляхом допиту, називається предметом допиту.

Допит може бути результативним тільки при дотриманні визначених тактичних умов, до яких варто віднести:

□ активність допиту – слідчий міцно утримує ініціативу при допиті, уміло використовує всі тактичні прийоми; □ цілеспрямованість допиту – проведення допиту зі заздалегідь обміркованою метою для одержання правдивої інформації, яка забезпечується наявністю у слідчого твердого уявлення про предмет допиту, бажанням досягти поставленої мети, умінням погодити з нею застосовані засоби і прийоми допиту; об'єктивність і повнота допиту – слідчий не вправі за власним розсудом скорочувати отримані показання, змінювати їх у відповідності зі своїми уявленнями про хід речей, нав'язувати допитуваному ці уявлення [5, с. 72]. Невідкладне проведення допиту дозволяє слідчому своєчасно дізнатись про особу, можливо причетну до крадіжки, і по „гарячих слідах” організувати її затримання; установити розпізнавальні прикмети викраденого майна і перекрити можливі канали його збуту; запобігти можливому в подальшому негативному впливу на поведінку на досудовому слідстві потерпілої особи чи свідків із боку зацікавлених у результатах справи осіб (обвинуваченого, його родичів тощо). І навпаки, зволікання з допитом потерпілого, що іноді трапляється на практиці, взагалі може не дати належного ефекту. Початкові опитування можуть правильно зорієнтувати в оточуючій обстановці, сконцентрувати увагу на головних напрямках слідчих дій і оперативно-розшукових заходів. Зрозуміло, що вказані опитування належить проводити, як правило, без сторонніх осіб, у тому числі й понятих, щоб не розголошувати отримані відомості раніше ніж потрібно.

Для діагностування особистості допитуваного може використовуватись і метод бесіди, трансформований для цієї мети. Відомо, що допит і бесіда мають різне процесуальне значення і завдання. Крім того, бесіда не передбачає чітко регламентованого процесуального режиму. Проте у процесі допиту, предмет якого обмежений, може мати місце й бесіда, яка переслідує мету відособленого вільного обміну інформацією для встановлення психологічного контакту з допитуваним. Потерпілого і всіх виявлених свідків, яким відомі факти, що мають значення для справи, необхідно якомога швидше допитати. У першу чергу допитується потерпілий, оскільки в силу свого особливого стану він більш ніж хто-небудь обізнаний про прикмети викраденого майна. Його свідчення з даного питання можуть бути цінним джерелом отримання початкових даних для визначення вірного напрямку заходів із встановлення особи, що вчинила крадіжку. У законі викладена вимога про те, щоб обвинувачений, підозрюваний і свідки, викликані по одній і тій же справі, допитувались окремо. Слідчий повинен вжити заходів, щоб вказані особи не могли спілкуватись між собою. Допит по суті справи повинен починатись з довільної розповіді допитуваного про відомі обставини справи, після

чого слідчий повинен задавати допитуваному питання. Забороняється навідні питання, а також проводити допит у нічний час [7, с.75-76].

Серед різновидів несприятливих наслідків допущення слідчих помилок виділяються наступні:

втрата доказової інформації або джерела її виявлення (отримання); втрата доказової сили виявленої (отриманої) релевантної криміналістичної інформації (неприпустимість доказів); створення загрози настання негативних наслідків через тактичні прорахунки і, як результат, неможливість використання такої інформації як доказу [3, с. 78-79].

Допит потерпілого і всіх виявлених свідків проводиться невідкладно, що дозволяє слідчому своєчасно дізнатись про особу, можливо причетну до крадіжки, і по «гарячих слідах» організувати її затримання; установити розпізнавальні прикмети викраденого майна і перекрити можливі канали його збуту; запобігти можливому в подальшому негативному впливу на поведінку на досудовому слідстві потерпілої особи чи свідків із боку заінтересованих у результатах справи осіб (обвинуваченого, його родичів тощо).

У першу чергу допитується потерпілий, оскільки він більш ніж хто-небудь обізнаний про прикмети викраденого майна. Його свідчення з даного питання можуть бути цінним джерелом отримання початкових даних для визначення вірного напрямку заходів зі встановлення особи, що вчинила крадіжку.

Слід відзначити особливості встановлення контакту з потерпілим, якщо він певним чином своєю поведінкою дав привід або полегшив, зумовив вчинення злочину. У цих випадках недопустимі: а) груба форма засудження його поведінки, якби навіть вона заслуговувала засудження взагалі (треба враховувати, що він все-таки постраждав через свою неправильну поведінку); б) неухважність і необ'єктивність до його свідчень, клопотань і прохань, засновані на тому, що він «сам винуватий»; в) вимагання нездійснених або не передбачених законом дій (наприклад, щоб він сам знайшов свідків події або речові докази); г) не викликане необхідністю обговорення або оголошення даних про особисте інтимне життя потерпілого [6, с.207].

Всі ці вимоги зумовлюють комунікабельну поведінку слідчого як тактичний прийом формування контакту з учасниками слідчої дії. Якщо є сумніви щодо сумлінності потерпілого або свідка, необхідно намагатись зібрати відомості про особу до початку слідчої дії. Сюди відносяться дані біографічного характеру, стосовно професії, освіти, умов роботи, способу життя, рівня розвитку, інтересів, значимих психологічних рис особи, умови сприйняття події злочину, ставлення до факту злочину, злочинця. У ході безпосереднього спілкування, що передуює офіційній частині допиту, слідчий шляхом спостереження отримує інформацію про зовнішній вигляд потерпілого (свідка), рівень його культури, особливості мови, міміки, жестів, психофізичні реакції та стан (розгубленість, хвилювання, спокій тощо), бажання, готовність надати допомогу слідству. Якщо слідчий бачить, що наявної інформації

ще не досить, він може продовжити (зазвичай у межах дозволеного) неофіційну частину допиту. Однак, на жаль, не всі слідчі в належній мірі володіють знаннями в галузі психології. Як свідчить практика, діяльність слідчого під час допиту потерпілого зводиться до елементарного отримання інформації, при цьому ним (слідчим) не використовуються спеціальні психологічні знання. На нашу думку, у таких ситуаціях слідчий повинен залучати спеціаліста-психолога, який допоможе йому скласти психологічний портрет допитуваної особи і, певним чином, допоможе слідчому розробити відповідну лінію поведінки і, навіть, розробити приблизний перелік (послідовність) дій слідчого для найбільш оптимального встановлення психологічного контакту та виборі найбільш раціональної тактики проведення допиту.

Під час встановлення контакту з допитуваним не можна вдаватися до шаблонів, штампів. Тут потрібен індивідуальний підхід, суворе врахування якостей особистості допитуваного. Слідчий повинен постійно пам'ятати, хто сидить по той бік столу. Вибір способу встановлення психологічного контакту з допитуваним багато у чому залежить від того, яку роль відіграє у процесі дана особа [7, с.78-79]. Іноді особи, які намагаються привласнити ввірені їм цінності або приховати вчинену ними розтрату, вдаються до інсценування кишенькової крадіжки. Тому в ході допиту потерпілого потрібно обов'язково з'ясувати, кому належали викрадені гроші. Якщо вони частково або повністю належали іншим особам або були довірені потерпілому іншими громадянами, то обов'язково висувається і перевіряється версія про інсценування крадіжки. Підставою для висування такої версії може служити поведінка потерпілого, що викликає сумнів у щирості сказаного, істотні суперечності в показаннях й ін. [8].

У ході допиту у справах про кишенькові крадіжки належать встановленню наступні обставини:

що викрадено й детальні прикмети викраденого. Якщо викрадено гроші, те слід встановити точну суму, номінал купюр, їх стан (нові чи старі);

чи не бачив раніше потерпілий затриманого підозрюваного (де, коли, за яких обставин);

обставини скоєння кишенькової крадіжки;

якщо мало місце затримання кишенькового крадія, то обставини затримання (хто і як затримав);

як поведився підозрюваний при затриманні (намагався зникнути, викинути або передати своїм співучасникам викрадене, намагався нанести тілесні ушкодження особам, які його затримали);

якщо є підстави вважати, що в затриманого були спільники, які прикмети їх зовнішності [6, с.207-208]. Невідкладність допиту свідків зумовлена необхідністю отримання більш точних і повних свідчень, а це може бути досягнуто при умові, що смороду будуть допитані в тієї години, коли в їх пам'яті ще свіжі обставини й деталі минулої події. Несвоечасний та запізнений допитий взагалі може не дати належного ефекту. За змістом показання свідків можуть бути первинними, тобто

виходячи з першоджерел, і похідними, коли свідок знає про факт зі слів іншої особи. Похідні свідчення менш цінні, ніж первинні. При відсутності свідків, які можуть підтвердити тієї чи інший факт, слідчий з'ясовує, хто міг знаходитись на місці події, кому міг розповісти злочинець про скоєний злочин, вживає певних заходів для виявлення свідків. Важливо визначити послідовність допиту свідків, якщо по справі їх проходити декілька. Насамперед допитуються особи, які в змозі розповісти про факти та обставини, які встановлюються на початковому етапі розслідування, від яких можна чекати правдивих свідчень, і за їх допомогою вже оцінити інформацію інших свідків. При викладенні свідчень свідки іноді висловлюють свої висновки й пропозиції: вказують на особу, яка, на їх думку, могла вчинити злочин. До цих висновків і пропозицій свідка слідчий винний прислухатися, і чітко уявити, на підставі яких аргументів він дійшов до таких висновків і що є основою для їх обґрунтування. Не можна нехтувати опитуванням дітей, які часто добрі запам'ятовують і відтворюють різного роду події, а також прикмети людини. Але не можна й не враховувати, що їхні відповіді про обставини минулої події можуть бути недостатньо достовірними, переплітатися з фантазіями, перебільшеннями, зумовленими віковими особливостями. Допитуючи свідків кишенькової крадіжки, необхідно мати на увазі те, що в їх числі можуть бути особи, винні в її вчиненні. Тому в процесі допиту необхідно з'ясувати, як і у зв'язку з чим допитуваний опинився на місці вчинення злочину, звідки й для чого він опинився та хто бачив його в цьому місці. Перевірка відповідей на ці питання й зіставлення їх з іншими встановленими по справі даними можуть дати підставу для підозри допитуваного в крадіжці й включення в план розслідування заходів по перевірці певної версії. Свідків слід у першу чергу шукати серед працівників транспортних і торгівельних організацій. Іноді, у якості свідків, допитують працівників ломбардів, а також осіб, які знаходились там одночасно з людиною, яка здавала розшукувані речі що викрадені. При цьому, доцільно обов'язково допитати в якості свідків працівників поліції або осіб, які затримували кишенькового крадія. Коли викрадаються годинники, фотоапарати, мобільні телефони, цифрові програвачі, те встановлюються марка (модель), розміри, серійний номер, індивідуальні особливості (подряпини, відколи, відсутність кнопок управління тощо), чи зберігся технічний паспорт або гарантійний талон на викрадену річ, приблизна вартість [9];

де знаходилось викрадене (у внутрішній кишені піджака, пальто, у кишенях штанів, сумці, портфелі, на ремені, на шнурку, на ланцюжку тощо);

що передувало крадіжці (потерпілий отримав готівку в касі чи за допомогою банкомата, діставав готівку та розраховувався в магазині, транспорті, розмовляв по мобільному телефону тощо.

За змістом показання свідків можуть бути первинними, тобто виходячи з першоджерел, і похідними, коли свідок знає про факт зі слів іншої особи. Похідні свідчення менш цінні, ніж первинні.

За відсутності свідків, які можуть підтвердити той чи інший факт, слідчий з'ясовує, хто міг знаходитись на місці події, кому міг розповісти злочинець про скоєний злочин, вживає певних заходів для виявлення свідків. Важливо визначити послідовність допиту свідків, якщо у справі їх проходить декілька. Насамперед допитуються особи, які в змозі розповісти про факти та обставини, які встановлюються на початковому етапі розслідування, від яких можна чекати правдивих свідчень, і за їх допомогою вже оцінюється інформація інших свідків. При викладенні свідчень свідки іноді висловлюють свої висновки й пропозиції: вказують на особу, яка, на їх думку, могла вчинити злочин. До цих висновків і пропозицій свідка слідчий винний прислухатися і чітко з'ясувати, на підставі яких аргументів свідок дійшов до таких висновків і що є основою для їх обґрунтування. Не можна нехтувати опитуванням дітей, які часто добре запам'ятовують і відтворюють різного роду події, а також прикмети людини. Але не можна й не враховувати, що їхні відповіді про обставини події, що відбулася можуть бути недостатньо достовірними, переплітатися з фантазіями, перебільшеннями, зумовленими віковими особливостями. Допитуючи свідків кишенькової крадіжки, необхідно зважати на те, що в їх числі можуть бути особи, винні в її вчиненні. Тому, в процесі допиту необхідно з'ясувати, як і у зв'язку з чим допитуваний опинився на місці вчинення злочину, звідки й для чого він опинився та хто бачив його в цьому місці. Перевірка відповідей на ці питання й зіставлення їх з іншими встановленими у справі даними можуть бути підставою для підозри про участь допитуваного в крадіжці й включення в план розслідування заходів щодо перевірки певної версії [6, с.208-209]

Допит підозрюваного слід проводити негайно після затримання та порушення кримінального провадження. Фактор раптовості зазвичай позбавляє підозрюваного можливості продумати лінію поведінки, знайти пояснення своїм вчинкам, оцінити значення отриманої слідчим інформації про те, що сталося. Як справедливо зазначають в криміналістичній літературі, присвяченій тактиці допиту, пояснення, дані без попереднього обдумування сенсу тих чи інших обставин справи, часом істотно відрізняються від того, що показує той же підозрюваний під час допиту, виробленого через деякий час.

Труднощі допиту кишенькового злодія полягають у тому, що слідчий на початковому етапі розслідування найчастіше має незначні відомості про особу підозрюваного і вже фактично в ході цієї слідчої дії визначає тактичні прийоми допиту.

Значний психологічний вплив, що зумовлює надання правдивих свідчень, надає пред'явлення підозрюваному вилучених при особистому обшуку речових доказів (знаряддя злочину, викрадені гроші, речі та ін.). Тому доцільно цей важливий так-

тичний прийом використовувати на початку допиту. Практичний досвід свідчить, що затримані на місці злочину кишенькові злодії (особливо, якщо при затриманні у них виявили викрадене або знаряддя злочину) зазвичай не заперечують факт крадіжки, однак намагаються переконати слідчого в тому, що вчинили злочин без співучасників. Викриттю таких хитроців допоможе перевірка по криміналістичним облікам, зіставлення показань потерпілих, свідків-очевидців та ін. В процесі допиту підозрюваного слід встановити:

коли і яким способом він вчинив крадіжку; де взяв знаряддя злочину (особливо спеціально виготовлене); чи притягувався раніше до кримінальної відповідальності за кишенькові крадіжки або інші злочини; де працює і проживає і т.і. Якщо підозрюваний при затриманні встиг викинути або передати співучаснику викрадене (знаряддя злочину) і заперечує свою причетність до вчиненої кишенькової крадіжки, то встановлюється, що він робив в момент затримання в місці злочину, з ким там знаходився. У тому випадку, коли підозрюваний зізнався у скоєнні злочину, його необхідно докладно допитати про обставини крадіжки, а потім свідчення перевірити, зіставляючи з іншими доказами. Необхідно використовувати також і оперативні можливості органів Національної поліції України [8].

Підводячи підсумок нашому дослідженню, необхідно констатувати, що на специфіку засобів підготовки, вчинення і приховування кишенькових крадіжок істотно впливає обстановка вчинення даного злочину. Аналізуючи реальну обстановку, що склалася, злочинець прагне максимально використати її для реалізації своїх злочинних задумів, пристосуватися до неї, знайти в ній слабкі ланки, змінити її в потрібному напрямку. Відповідно, специфіка проведення окремих слідчих (розшукових) дій, зокрема, допиту підозрюваного, потерпілого та свідків визначається особливістю способу вчинення цього виду злочинів і тактико-психологічними задумами злочинця при їх вчиненні.

Отже, при проведенні допиту необхідно враховувати особливості тактики проведення зазначених слідчих дій, які визначаються наступним:

допитуючи потерпілого, слід враховувати, що, переживши хвилювання, пов'язані з крадіжкою, він не завжди запам'ятовує окремі деталі події і часом необ'єктивно оцінює їх. Аналіз наукових джерел та слідчої практики свідчить, що існують випадки, коли окремі потерпілі, переслідуючи корисливу мету, свідомо перебільшували розміри викраденого;

допитом свідків встановлюються дані про прикмети підозрюваного, час і спосіб вчинення крадіжки, про сліди або предмети, які залишили злочинці на місці злочину, викрадені предмети та їх індивідуальні особливості, про напрямок, в якому зникли злочинці, транспортні засоби тощо;

допитуючи осіб, які затримали злочинця на місці злочину, слід встановити, за яких обставин вони його помітили, що навело їх на думку про вчинення ним крадіжки, які дії вжиті ними для затримання, як поведив себе затриманий (чи виявив опір,

чи намагався втекти, позбутися викраденого майна), чи не було у нього співучасників;

допит підозрюваного проводиться після затримання, особистого обшуку і освідування, обшуку за місцем проживання. Слід запропонувати допитуваному розповісти про факт крадіжки, пояснити, коли у зв'язку з чим виник намір учинити крадіжку, чи була підготовка до неї, хто сприяв крадіжці або знав про неї, як вчинена крадіжка, чи використовувалися технічні засоби і які саме, що викрадено, де сховано крадене, а якщо продано, то через кого, де, на яку суму, чи витрачені ці гроші, чи були спільники, хто саме, їх місцезнаходження.

Об'єктивність показань підозрюваного підтверджується результатами пред'явлення для впізнання (осіб, речей, знарядь злочину), слідчого експерименту[10].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. О карманных кражах. URL: <http://bfmac.com/ugolovnoe-pravo/karmannye-krazhi-osobennosti-metodika-rassledovaniya-zashhita-ot-krazh.html> (дата звернення 29.09.2020).
2. Войтович І. І. Процесуальні і тактичні особливості провадження невідкладних слідчих дій: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.09. Одеса, 2012. 19 с.
3. Кобзар О. Ф., Чаплинський К.О. Методика розслідування та попередження кишенькових крадіжок: навч. посіб. Дніпро: Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ, 2018. 161с.
4. Б. Є. Лук'янчиков, Є. Д. Лук'янчиков, С. Ю. Петряев. Криміналістика: навч. посіб. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл. в двох частинах. Ч. II: Криміналістична тактика. Методика розслідування. Київ: Національний технічний університет України «Київський політехнічний інститут імені Ігоря Сікорського, 2017. 474 с.
5. Головкин М. Б., Остапенко Л. А., Осипенко І. П., Черненко М. П. Криміналістика (Криміналістична тактика): навч. посіб. Чернівці: Чернівецький національний технологічний університет, 2017. 220 с.
6. Організація розслідування окремих видів злочинів: навч. посіб. / А. Ф. Волобуєв та ін. ; за заг. ред. А. Ф. Волобуєва. МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ. Х.: ХНУВС, 2010. 568 с.
7. Кобзар О.Ф. Основи розслідування та попередження кишенькових крадіжок: навч. посіб. Кіровоград: КіпІОІ ХНУВС, 2009. 127с.
8. Тактика первоначальных следственных действий по делам о карманных кражах. URL: https://studopedia.su/10_27122_taktika-pervonachalnih-sledstvennih-deystviy-po-delam-o-karmannih-krazhah.html (дата звернення 20.10.2020).
9. Розслідування кишенькових крадіжок. URL: <https://xreferat.com/22/5130-1-rozsl-duvannya-kishen-kovih-krad-zhok.html> (дата звернення 09.11.2020).
10. Криміналістична методика. Розслідування крадіжок. URL: https://www.naiu.kiev.ua/books/kruminalist/lections/lection_4.29.html (дата звернення 08.12.2020).

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 141:502

THE CHRISTIAN GUIDELINES FOR ECOLOGICAL PHILOSOPHY

Nesprava M.

*Doctor of Philosophical Sciences, Docent,
Professor of International Relations and Tourism Department,
Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs
(Dnipro, Ukraine)
ORCID 0000-0003-0415-1837*

ХРИСТИАНСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Несправа М.В.,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений и туризма,
Днепропетровский государственный университет внутренних дел,
(Днепр, Украина) ORCID
0000-0003-0415-1837
DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-41-49](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-41-49)*

Abstract

The article deals with the ontological and axiological problems of ecological philosophy. The author argues that the root causes of its current crisis lie in the Renaissance, when a worldview split began. In time it divided not only science and faith, but also God and man. The article shows the negative consequences of this split for the basic concepts of ecological philosophy – social ecology, ‘deep ecology’ and human ecology. The author concludes that ecophilosophy’s return to a Christian worldview and ethics will help it get out of the crisis and will contribute to the effective development of comprehensive scientific and moral recommendations that will help prevent an ecological catastrophe. The article proposes specific guidelines for improving the conceptual foundations of ecophilosophy based on the Christian doctrine in each of designated three areas.

Аннотация

В статье рассматриваются онтологические и аксиологические проблемы экологической философии. Автор утверждает, что первопричины ее современного кризиса кроются в эпохе Ренессанса, когда начался мировоззренческий раскол. Со временем он разделил не только науку и веру, но также Бога и человека. В статье показаны негативные последствия этого раскола для основных концепций экологической философии – социальной экологии, «глубокой экологии» и экологии человека. Автор заключает, что возвращение экологической философии к христианскому мировоззрению и этике поможет ей выйти из кризиса и будет способствовать эффективной наработке комплексных рекомендаций научного и морального характера, которые помогут предотвратить экологическую катастрофу. В статье предложены основанные на христианском вероучении конкретные ориентиры совершенствования концептуальных основ экофилософии по каждому из указанных трех направлений.

Keywords: God, nature, humanism, social ecology, ‘deep ecology’, human ecology, co-evolution, noosphere, secularism, Christian ethics.

Ключевые слова: Бог, природа, гуманизм, социальная экология, «глубокая экология», экология человека, коэволюция, ноосфера, секуляризм, христианская этика.

Постановка проблемы. События 2020 года показали, что экологическая философия как учение о достижении гармонии во взаимоотношениях человека с окружающей средой пребывает в глубоком кризисе. Возбуждение общественного сознания, которое было спровоцировано пандемией коронавируса, обусловило обостренную критическую реакцию в адрес тех предложений о путях преодоления экологических проблем, которые еще недавно принимались с явным восторгом. Так, привлекательность идей экоактивистки Греты Тунберг (Greta Thunberg) заметно пошатнулась после заявлений юной кандидатки на Нобелевскую премию о

том, что она очень рада глобальному экономическому кризису, возникшему в результате пандемии коронавируса, так как благодаря кризису реализовалась ее мечта: снизились выбросы углерода в атмосферу [1]. Широкий негативный резонанс вызвали и преданные огласке высказывания Билла Гейтса (Bill Gates) о том, что он ожидает вакцины, которые будут использоваться для сокращения прироста населения [2]. В общественном дискурсе приобрел популярность футурологический сценарий установления глобальными корпорациями нового мирового порядка, связанного с развертыванием четвертой промышленной революции, частью

которого является чипирование населения в процессе вакцинации. Его обсуждение выплеснулось из Интернет-пространства на улицы европейских городов, по которым прокатилась волна протестов под лозунгом «Я лучше буду человеком, чем рабом!». Эти проявления дискредитации идей коэволюции, социальной и, особенно, «глубокой экологии», не будучи откровением для специалистов, тем не менее, сделали проблемы переосмысления взаимоотношений в триаде «человек-общество-природа» злободневными для широкой публики. При этом фокус академических дискуссий и общественного мнения в основном направлен на обсуждение современных информационных и биотехнологических возможностей контроля за составляющими этой триады. В то время как истинные причины кризиса кроются в самой нынешней мировоззренческой парадигме. Поэтому определение онтологических и аксиологических ориентиров, которые помогли бы вывести экологическую философию из кризиса и помогли ученым выработать предложения по предотвращению экологической катастрофы является актуальной задачей.

Анализ последних исследований и публикаций. Рассмотрению проблем современной экологической философии посвящены работы Дж. Бреннера (J. Brenner), П. Тэйлора (P. Taylor), С. Саркара (S. Sarkar), Т. Г. Якобсена (T. G. Jakobsen), П. Робинса (P. Robbins), А. Смита (A. Smith), С. Мавенгахамы (S. Mavengahama), Дж. Ланса (J. Lanz), Л. Даунсбороу (L. Downsborough), Ш. Ниннабер (Sh. Nienaber), Р. Презер (R. Preiser), М. Аудо (M. Audouin), С. А. Кутуманова, В. Н. Магдасаряна. Исторические корни экологических проблем исследовал Л. Уайт (L. White). Духовные аспекты экологических проблем изучают Л. Спонсел (L. Sponsel), Д. Крокетт (D. Crockett), Дж. Конфино (J. Confino), Дж. Маси (J. Macy), Дж. Грим (J. Grim), Р. Гиббосонс (R. Gibbons), Дж. Кохрсен (J. Koehrsen), Л. Г. Жернакова. Однако эти ученые не акцентируют внимание на критическом анализе отдельных направлений экологической философии и не выдвигают конкретных предложений по изменению их онтологической и аксиологической базы на принципах христианской философии.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить первопричины кризиса современной экологической философии, рассмотреть его проявления в ее основных научных концепциях и предложить для них ориентиры совершенствования, которые основаны на мировоззренческих постулатах христианства.

Истоки мировоззренческого раскола: Ренессанс

Мы берем на себя смелость утверждать, что, несмотря на необычайную актуализацию проблем экологической философии в 2020 году, их корни уходят вглубь на пятьсот лет. И именно оттуда – с эпохи Возрождения – следует начинать поиск ориентиров для их разрешения.

В представлении большинства ученых Ренессанс стал той зоной бифуркации, которая разделила

в Европе две эпохи – прежнего традиционного общества и нового индустриального. Норман Дэвис (Norman Davies) указывает, что в далекой перспективе Ренессанс оказался этапом эволюции, приведшей – через Реформацию и научную революцию – к Просвещению. Основное качество Ренессанса этот английский историк определяет как независимость мышления, главным достижением которого было все растущее убеждение, что человечество способно усовершенствовать мир [3, с. 345].

Пытаясь докопаться до первопричин онтологического и аксиологического кризиса экофилософии, мы считаем необходимым акцентировать внимание не на научно-технических новациях эпохи Возрождения, а на том, что новая ученость Ренессанса впервые сместила сам центр мировосприятия. Она ознаменовала решительный переход от теоцентрического к антропоцентрическому мировоззрению. Именно Ренессанс стал колыбелью совершенно нехристианского понятия: независимый человек [3, с. 351]. Вот почему, как подчеркивает Дэвис, те, кто в наше время не скрывает своего презрения к христианству, – марксисты, сторонники сциентизма в понимании общества и, среди прочих, атеисты – приветствуют Ренессанс как начало европейского освобождения [3, с. 351]. В контексте нашего исследования необходимо подчеркнуть, что обозначенные подходы представляет собой прямое гносеологическое наследие Ренессанса. И именно в нем кроются зерна аксиологического кризиса современной экологической философии.

Оценивая последствия смены центризмов, следует принять во внимание и другую точку зрения. Например, по мнению католического философа Этьена Жилсона (Étienne Gilson), которое упоминает Дэвис: «Отличаясь от средневековья, Ренессанс предлагал не приращение, но уменьшение, изъятие. Ренессанс – это не Средние века плюс Человек; это Средние века минус Бог» [3, с. 351]. Подобная редукция в методологии мировосприятия заложила предпосылки последующего ценностного кризиса секулярной рационалистической модели. Механизм его развития раскрывают кажущиеся нам вполне обоснованными рассуждения Юваля Ноя Харари (Yuval Noah Harari): «В средневековой Европе главная формула получения знания была такова: $\text{Знание} = \text{Священное Писание} \times \text{Логика}$... Научная революция вывела совершенно новую формулу получения знания: $\text{Знание} = \text{Эмпирические данные} \times \text{Математика}$. Научная формула знания привела к поразительным прорывам в астрономии, физике, медицине и множестве других дисциплин. Но у нее был один большой изъян: она была беспомощна в вопросах ценности и смысла. Средневековые мудрецы могли с абсолютной уверенностью утверждать, что убивать и красть дурно и что целью человеческой жизни является поклонение Господу – ведь так сказано в Писании. Но ученые не выносят этических суждений. Никакие объемы данных и никакие чудеса математики не могут доказать, что убивать нельзя. Однако без подобных оценочных суждений человеческие общества нежизнеспособны» [4, с. 278-279].

Еще более значимым для нашего дальнейшего анализа представляется взвешенное умозаключение Николая Бердяева: «Гуманизм Ренессанса утверждал независимость, самостоятельность человека, его свободу в культурном творчестве, в науке и искусстве. В этом было его оправдание, потому что для творческих сил человечества необходимо было устранить те препятствия и запреты, которые воздвигло на его пути средневековое христианство. К несчастью, однако, Ренессанс одновременно утверждал самодостаточность человека, возводил преграду между человеком и вечными истинами христианства... В этом истоки трагедии новейшей истории... Бог стал врагом Человека, а человек врагом Бога» [5, с. 23].

Следует подчеркнуть, что Ренессанс отнюдь не утвердил этот антагонизм как результат. Более того все гениальные светочи эпохи Возрождения были глубоко верующими христианами и видели свое призвание в том, чтобы использовать данную им Богом способность к творчеству для раскрытия тайн Божьей вселенной. Но именно в это время секулярная разобщенность между Богом, с одной стороны, и системой «человек-общество-природа» – с другой стороны, обозначилась как тенденция. И впоследствии данная тенденция привела к выхолащиванию ценностной сути многих научных концепций и социальных проектов, что имело катастрофические последствия.

Отринув постулат о мире как едином в своей сути творении Бога, секулярный рационализм погрузился в пучину неразрешимых онтологических и аксиологических противоречий. Заложённая в секулярном мировосприятии противоречивость бытия сформировала взгляд на человеческое общество, живую и неживую природу как на качественно различные системы, где явно выражено господство бытия человека над бытием природы. Однако, даже отвергая окончательно скомпрометировавший себя во второй половине XX века антропоцентризм, многие современные философы, размышляющие о причинах экологического кризиса, также находятся в плену рожденной Ренессансом гносеологии и поэтому не достигают настоящих глубин, упираясь в стену секуляризма. Далее мы рассмотрим каким образом образовавшийся в эпоху Ренессанса мировоззренческий раскол сказывается на основных направлениях экологической философии – социальной экологии, «глубокой» экологии и экологии человека – и сформулируем ориентиры, движение экофилософии по которым позволит его преодолеть.

Ориентир для социальной экологии: вернуть христианскую этику капитализму

Общим трендом экологической философии стало утверждение, что главным виновником экологических бед является капитализм. Американский социальный эколог Мюррей Букчин (Murray Bookchin) провозглашал, что капиталистическое общество, основывающееся на соревновании и саморегулировании, в конце концов уничтожит природный мир, так же как запущенная раковая опухоль убивает больного [6, с. 12].

При этом, размышляя над причинами того, почему «экономика, основанная на принципе «рост или смерть», обязательно противопоставляет себя природному миру и оставляет за собой экологическую пустыню» [6, с. 14], экофилософы вполне обоснованно приходят к выводу о том, что причина кроется в ошибочности доминирующих ныне общественных ценностей. «Сегодня большая часть человечества оказалась в плену у целей и ценностей, которые ориентированы на безудержный рост, основными критериями которого являются достижение новых успехов в увеличении производства разнообразной продукции, роста добычи и переработки природных ресурсов и иных показателей экономического прогресса», – заключает российский философ Мангасарян [7, с. 18]. Однако современные обвинители капитализма, по-прежнему находясь под влиянием марксистского экономического детерминизма, не видят первопричин этого ценностного провала. Для их выяснения необходимо обратиться к забытым идейным истокам капитализма.

Известно, что социально-экономические основы либеральной идеи Нового времени нашли свое теоретическое обоснование в концепции выдающегося английского мыслителя Джона Локка (John Locke). Но мало кто обращает внимание, что первые наработки в этом направлении он сделал в работе «Элементы» (1664), когда читал лекции по моральной философии в христианской церкви. А наиболее полно его идеи были изложены в труде «Два трактата о правлении» (1690). Свои умозаключения Локк начинает с тезиса о том, что Бог предоставил людям мир в общее пользование, чтобы сделать его более привлекательным и удобным для жизни. Этот тезис проходит красной нитью через весь его Второй трактат. «Наши естественные потребности удовлетворяются небольшим количеством вещей, которые могут быть легко приобретены без большого труда или средств. Что же касается того, что Бог дал нам в дополнение, мы должны распорядиться им таким образом, чтобы использовать его для удовлетворения потребностей других людей: отдать или одолжить его просящим, – утверждал Локк. – Бог дал человечеству мир для удовлетворения настолько, насколько кто-то сможет использовать все преимущества жизни, прежде чем они будут испорчены. Поэтому, даже приобретая вещи в собственность своим трудом, человек, дабы быть владельцем этих вещей, должен использовать их для служения Богу Отцу» [8, р. 173-175].

В свою очередь первый теоретик «свободного рынка» Адам Смит (Adam Smith), будучи преподавателем кафедры моральной философии, в основу концепции *laissez-faire* положил «Теорию нравственных чувств» (1759). Он размышлял в первую очередь над тем, как направить алчность, которая считается в христианстве смертным грехом, на общественное благо и тем самым спасти человеческую душу. Таким образом, Смит отнюдь не рассматривал экономику как самоцель, которая формулирует цели общества, мотивы действий и побуждения.

Идеи либерализма последовательно отстаивал и французский исследователь-компаративист Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville). Самая известная его работа – «О демократии в Америке» (1835). Однако вне поля зрения остается тот факт, что, исследуя причины американского феномена, Токвиль красноречиво утверждал, что представление о Боге является источником почти всего, что есть в поведении человека. «Не существует ни одной человеческой деятельности, за исключением, возможно, частной, каковая бы ни была результатом той очень общей концепции, которую человек составляет о Боге: это и отношения его с человеческим родом, это и характер его души, это и его обязанности относительно своих товарищей, – отмечал ученый. – Ничто не может помешать этой идее, которая является общим источником, из которого происходит все остальное» [9, pp. 442-443].

А уже в начале XX века известный оппонент марксизма Макс Вебер (Max Weber) в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) указывал на ценности трудолюбия и самоограничения, характерные для пуританских христиан, как на основу успешного развития капиталистического общества, в котором добывание денег отрывается от растраты. Как отмечал Вебер, аскетический протестантизм воспитал, кроме буржуазного предпринимателя, еще и людей совестливых, чрезвычайно работоспособных и привязанных к труду как к призванию, как к богоугодной цели жизни, и тех работников, которые чувствуют свою ответственность, ибо протестантами руководит суровый долг, который заставляет отдавать все силы служению «делу» и не потакать «лени» тех, кто не хочет жить честным трудом, ублажает тело и теряет душу [10, с. 28].

Очевидно, что описанная модель социального устройства явно контрастирует с современной капиталистической моделью «общества потребления». Разумным было бы заключить, что капитализм, будучи рожден как способ свободной самореализации человека в природном окружении на пути к Богу, превратился в хищническую систему именно после того, как были преданы забвению его изначальные этические принципы. И действительно, М. Букчин в своем анализе указывает на аксиологический кризис капитализма как причину экологической катастрофы: «Если раньше в обществе культивировалась вера в добродетельность сотрудничества и заботы о ближнем, то в современном обществе добродетелью является соревнование и эгоизм, и таким образом не поощряются ассоциации любого рода – кроме созданных ради наживы и безумного потребления. Мы считаем, что раньше люди имели четкие представления о вере и надежде – о ценностях, которые определили их как людей, обладающих конкретными целями в общественной жизни. Эта «чистота» в наше время исчезла – ее заменили неопределенность и двусмысленность» [6, с. 15]. Казалось бы, что, говоря об утраченной «чистоте» как об идеализме, Букчин сравнит чем же «раньше» отличалось от «нашего времени» и вполне логично сделает вывод о том,

что причина кроется в отходе от христианских ценностей. Однако вместо этого он обвиняет христианство в «антинатурализме, который стал особенно заметен с появлением капитализма» [6, с. 21] и предлагает в качестве рецепта очередную социальную утопию в виде экологического анархизма.

В этой связи уместно вспомнить Семена Франка, который, исследуя возможности нахождения баланса между началами солидарности и свободы, общественности и личности, пришел к замечательному выводу: «Только общество, которое утверждено на служении правде, осуществляет и в своем целом, и в своих частях, то органическое многоединство, которое есть его подлинное существо. Вот почему вера в Бога и любовь к нему есть незыблемая и единственная подлинная основа общества» [11, с. 20].

Очевидно, что для того, чтобы избавить социальную экологию от утопизма и одновременно наполнить современные проекты общественного переустройства, связанные с четвертой промышленной революцией, гуманистическим смыслом, необходимо возвратиться к двум базовым постулатам христианской этики – любви к Богу и ближнему своему, а также к принципам милосердия, добродетели и самоограничения.

Ориентир для «глубокой экологии»: возности Человека

В отличие от социальных экологов приверженцы «глубокой экологии» решение проблем окружающей среды видят в том, чтобы включить в нее человека как равного среди равных. Они утверждают, что антропоцентризм – мировоззрение, которое содержит инструменталистский взгляд на природу и представление человечества как завоевателя природы, – привел к деградации окружающей среды во всем мире, и, поэтому, его следует заменить на экоцентрическое (ориентированное на экологию) или биоцентрическое (ориентированное на жизнь) мировоззрение, где биосфера становится главным предметом озабоченности [12]. «Глубокая экология» – философия окружающей среды и общественное движение – основана на убеждении, что люди должны радикально изменить свое отношение к природе с того, которое ценит природу исключительно с точки зрения ее полезности для людей, на то, которое признает, что природа имеет врожденную ценность.

Безусловно, заслуживает внимания отправной тезис основателя течения «глубокой экологии» норвежского философа Арне Несса (Arne Næss) о том, что движение за защиту окружающей среды должно делать гораздо больше, чем это предлагает инвайронментализм, – необходима радикальная переоценка понимания человеческой природы. В частности, он утверждал, что ухудшение состояния окружающей среды, вероятно, связано с концепцией человеческого «Я», которая рассматривает самость как одинокое и независимое Эго среди других одиноких и независимых Эго. Такое разделение ведет к ловушкам антропоцентризма и деградации окружающей среды. Согласно теории «глубокой

экологии», «Я» следует понимать как тесно связанное с природой и как ее часть, а не отделенное от нее [13, pp. 24-25]. Таким образом отвергается придуманный в эпоху Ренессанса постулат «независимого человека». И, на первый взгляд, в своем стремлении к преодолению отчужденности это направление должно было бы вернуть нас к религиозному постулату об единотворности природы и человека Богом. Тем более, что некоторые его приверженцы по примеру язычников «одушевляют» природу или практикуют восточные культы медитации.

А. Несс также утверждает, что для воссоединения с природой необходимо новое понимание себя, называемое им «самореализация» [13, p. 156]. И от этих кажущихся логичными рассуждений остается всего один шаг до давно обоснованного в христианской философии процесса духовной самодеятельности. Ее содержание в приложении к экологической философии вполне может быть понято из умозаключения Ивана Ильина: «Духовная жизнь — это самодеятельность. Самодеятельность, направленная именно на осуществление высших, безусловных ценностей. Это есть самоопределение в мысли, активно восходящей к истинному знанию; в воле, свободно обретающей свой совестливый корень; в воображении, самобытно осуществляющем законы подлинной красоты; в чувствовании, искренне любящем все живое и целостно радующемуся совершенству Божества; в труде, умножающем достояние и богатство семьи и родины» [14, с. 170]. Высшей целью такой христианской самодеятельности является «обожение». Коротко смысл обожения выражен в высказывании Афанасия Великого: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» — что обозначает потенциальную возможность для каждого человека и историческую необходимость для человека вообще обрести нечеловеческое могущество в обладании самим собой и природным миром вокруг себя в органическом единстве с Богом [15].

Однако, связанные путями секуляризма или мистицизма, основатели движения «глубокой экологии» не делают в своем осмыслении экологических проблем решающего шага в сторону христианства для воссоединения человека и Бога. И, как это не раз случалось в истории, подмена христианских заповедей приводит к очередному революционному манифесту. На этот раз о том, что экологическое «Я» будет практиковать «биоцентрический эгалитаризм», в котором каждое естественное существо считается равным по своей природе любому другому.

Таким образом, «глубокая экология» отрицает закрепленный в Библии уникальный статус человека как существа, созданного по образу и подобию Божию. И эта онтологическая ошибка заводит ее в аксиологический тупик, поскольку моральная самореализация возможна только при наличии свободы выбора. А такая свобода наличествует только у человека. Василий Великий указывал: «При первоначальном творении нам даруется быть рожден-

ными по образу Божию; своей же волею приобретаем мы бытие по подобию Божию. Тем, что зависит от нашей воли, мы распоряжаемся в полную силу; добываем же мы это себе благодаря своей энергии» [16, с. 302].

При этом христианские учителя продолжали повторять, что, подарив человеку свободу выбора, Бог возложил на него большую ответственность. Именно и только на него. Иисус Христос, совершив свой земной подвиг во искупление грехов человечества, стал примером того как человек восходит к Богу, «смертию смерть поправ». И таким образом в христианской философии синергетическим образом решается дилемма сочетания тео- и антропоцентризма. Человек в ней уподобляется Богу, не подменяя Его.

В попытке же на атеистической или анимистической основе преодолеть недостатки рожденного Ренессансом секулярного антропоцентризма биоцентризм «с его антигуманистическим представлением о равнозначности людей, грызунов и муравьев» [6, с. 16] по факту снимает с человека всякую ответственность за состояние окружающей среды, ставя, таким образом, под сомнение саму цель его экологической самореализации. И это влечет за собой потерю «глубокой экологией» категории морали.

В довершение, это отрицание приводит биоцентристов к мальтузианскому заключению, которое закреплено в пункте 5 разработанной в 1984 году Платформы глубокой экологии: «Расцвет человеческой жизни и культуры совместим с существенным сокращением населения. Расцвет нечеловеческой жизни требует такого уменьшения» [17]. Очевидно, что данное положение не только противоречит логике самого «биологического эгалитаризма», но и выступает как явный антагонист жизнеутверждающему благословию Создателя «возрастайте и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1:28).

Рассматривая эту злободневную проблему экологической философии, необходимо обратить особое внимание на толкование данного благословения великими христианскими учителями и святителями. Василий Великий в своих беседах так раскрывал смысл Божьей заповеди: «Размножайтесь», — поскольку творение направлено не на одного человека, а на многих людей. «И наполните землю». «Наполните» не значит просто «населите», ибо мы жили бы в тесноте, раз земля, составляющая пределы нашего обитания, имеет такие (ограниченные) размеры; но (имеется в виду) наполните своим могуществом, которое Он даровал нам для господства над землею. «Наполните землю»; конечно, не землю выжженную, необработанную, замерзшую, непроходимую. Разумеется, не такую землю люди вынуждены наполнять, но Он сделал так, что мы наполняем ее как повелители и наполняем ее по (определенному) замыслу [16, с. 303]. В самом деле, «возрастайте» сказано бессловесным животным в смысле телесного развития, в смысле совершенствования их природы. Когда же нам сказано

«возрастайте», то подразумевался человек внутренний и его возрастание в Боге [18, с. 320]. Очевидно, что в этих разъяснениях мы можем найти поистине глубокие ответы на современные экологические вызовы. Они являются основой для синергетического понимания системы «природа-человек-общество» как единого Божьего творения, в котором права человека как уникального существа, стремящегося к обожению, являются приоритетом.

В то же время секулярная логика «глубокой экологии», так же как и ее анимистические попытки «одушевить» природу в стиле языческих религий, на самом деле лишают человеческую жизнь не только смысла, но и ценности. А, значит, делают бессмысленной и экологическую философию как таковую. Так, аргумент «глубокой экологии» о внутренней ценности несознательных существ стал основой для разработки категории экологического расширения Алана Маршалла (*Alan Marshall*), которая делает акцент не на правах человека, а на признании фундаментальной взаимозависимости всех биологических (и даже некоторых абиологических) образований и их существенного разнообразия [19, с. 230]. В свою очередь эта категория включает гипотезу Джеймса Лавлока (*James Lovelock*), в соответствии с которой планета Земля характеризуется как единое целое с этической ценностью, для которой человеческая раса не имеет особого значения в долгосрочной эволюционной перспективе [20]. А философская статья Тарика Кочи (*Tarik Kochi*) и Ноама Ордана (*Noam Ordan*) даже исследовала возможность добровольного суицида людей как благородного экологического жеста по отношению к другим существам [21]. Авторы называют идею мысленным экспериментом, который не следует понимать как призыв к действию. Но сама по себе постановка данного вопроса являет пример того как секуляризм в онтологии в конце концов приводит к коррозии аксиологических основ «глубокой экологии» и вытеснению человека из поля экологической философии.

Вот почему на повестке дня стоит вопрос о необходимости поднять роль человека в его христианском понимании: не только как уникального существа сотворенного по образу и подобию Божьему, но и как единственного субъекта в природе, которому свобода выбора и связанная с ним ответственность открывают возможность совершенствования себя и природы на пути к Богу.

Ориентир для экологии человека: вдохнуть в коэволюцию душу

Помешать полному обезчеловечиванию экологической философии стремятся авторы и последователи концепции коэволюции. Это понятие, так же как и понятие «экология», перекочевало в общественные науки из биологии. В 1994 году Ричард Норгаард (*Richard Norgaard*) предложил концепцию коэволюционной космологии в качестве объяснения взаимовлияния социальных и экологических систем [22]. В том же году Джон Гауди (*John Gowdy*) выдвинул предположение, что «экономика, общество и окружающая среда связаны между собой коэволюционными отношениями» [23, р. 1-2].

Современные экологические философы, ведущие разработки в рамках этой концепции, концентрируют свое внимание на экологии человека. Они обосновывают приоритетность нравственных принципов в решении экологических проблем и предлагают при этом свои императивы. Так, Владимир Магдасарян рассматривает понятие экологического (коэволюционного) императива. Он указывает, что данный критерий включает объективные и субъективные моменты, характеризует не только особенности экологической деятельности, ее направленность, результативность, но и внутренние побудители деятельности [7, с. 129].

В свою очередь Сергей Кутоманов вводит дефиницию ноосферно-экологического императива, подразумевая под ним такое повеление, которое формируется на основе синтеза социальных и естественно-биологических законов и на сочетании научных и нравственных принципов и которое позволит бесконфликтно развиваться системе «человек-природа» в рамках ноосферогенеза [24, с. 34].

С точки зрения разработчиков указанной концепции, вершиной развития идеи коэволюции выступает идея ноосферы. Кутоманов обосновывает идею о том, что ноосфера – это новый будущий этап в развитии биосферы, связанный с переходом от неустойчивого состояния биосферы к устойчивому ее развитию [24, с. 36]. А Магдасарян заявляет, что целостное рассмотрение концепций ноосферы, ... с учетом парадигмы неклассической философии, позволило расширить представление о мире природы и мире человека, что дало возможность рассматривать человека как космическое существо, физически, биологически и духовно связанное со всеми составляющими бытия человечества и всей Вселенной как единой, открытой, саморазвивающейся системы [7, с. 21].

Однако, анализируя умозаключения коэволюционистов, следует обратить внимание на две взаимосвязанные позиции их концепции, которые делают ее уязвимой для критики.

Во-первых, укоренившаяся в литературе упрощенная трактовка понятия ноосфера как сферы разума (с обязательной ссылкой при этом на В. И. Вернадского), приводит авторов к внутренне противоречивым выводам. Так, с одной стороны, констатируется, что будущая модель устойчивого развития лежит в основе ноосферогенеза и заключается в том, что коллективное сознание человечества существенно повысит уровень рациональности, сформирует ноосферный интеллект необходимый для своего выживания [24, с. 15]. А с другой, провозглашается, что коэволюционное развитие требует отказа от социальных институтов и систем ценностей, поощряющих и стимулирующих рост материального потребления [24, с. 18].

Последнее утверждение, как и приведенные выше формулировки, сложно сочетаются и с оригинальным высказыванием самого В. И. Вернадского, от которого экологи вряд ли придут в восторг:

«Мы живем в небывало новую, геологически яркую эпоху. Человек своим трудом – и своим сознательным отношением к жизни – перерабатывает земную оболочку – геологическую область жизни – биосферу. Он переводит её в новое геологическое состояние; его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу. Им создаются в биосфере новые, не существовавшие раньше биогеохимические процессы. Биогеохимическая история химических элементов – планетное явление – резко меняется. На нашей планете создаются, например, в огромных массах новые свободные металлы и их сплавы, в ней никогда не существовавшие. Таковы, например, алюминий, магний, кальций. Резчайшим образом изменяется и нарушается растительная и животная жизнь. Создаются новые расы и виды. Лик планеты меняется глубочайшим образом. Создается стадия ноосферы» [25, с. 2].

Очевидно, что этические устремления экологии человека для обоснований целей коэволюции требуют совершенно иных трактовок понятия «ноосфера». И тут следует обратить внимание, что эта дефиниция была выдвинута Эдуардом Леруа (*Édouard Le Roy*), который, ссылаясь на лекции Вернадского, действительно трактовал её как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Однако в основе теории ноосферы Леруа лежат представления Плотина об эманации Единого (непознаваемой Первосущности, отождествляемой с Богом) в Ум и мировую Душу, с последующей трансформацией последних снова в Единое. При этом наиболее полное воплощение теория Леруа нашла в разработке его друга католического философа Пьера Тейяра де Шардена (*Pierre Teilhard de Chardin*), который разделял не только идею абиогенеза (оживления материи), но и идею, что конечным пунктом развития ноосферы будет слияние с Богом. Апологетам коэволюции следовало бы обратить внимание, что, согласно де Шардену, человек также стремится перейти в сферу разума и раствориться в Боге [26].

Принятие в качестве цели коэволюции воссоединение с Богом помогло бы разрешить и другие остающиеся открытыми проблемы концепции. Они проистекают из противоречий, обусловленных логической незавершенностью следующей позиции. Сегодня практически все сторонники коэволюции и экологии человека говорят о приоритетности духовных аспектов. Любовь Жернакова доказывает, что опустошение природы внешней является следствием духовно-нравственного опустошения внутреннего мира человека, примата рассудочной деятельности над духовными ценностями [27, с. 178]. Владимир Магдасарян убежден, что синтез экологии и аксиологии можно рассматривать как духовное связующее человека с природой, их единение, на основе которого бытие человека гармонично вписывается в бытие природы [7, с. 154]. Сергей Кутоманов считает, что для характеристики человека приоритетными являются такие его характеристики, которые отличают его от других живых существ, душа и дух. Он заключает, что устойчивое

развитие невозможно без духовного совершенствования самого человека [24, с. 142]. Анатолий Киселев делает вывод, что только целостность человека при ведущей роли духовно-нравственных устремлений может стать гарантом разрешения глобальной экологической проблемы [28, с. 28].

Однако говорить о духовном развитии и не говорить о душе как о Божьем даре представляется нам абсурдным. Все рационалистические попытки толкования души вне Бога, которые неоднократно предпринимались со времен Возрождения, неизменно натываются на непреодолимые логические препятствия. «Вот почему теория эволюции несовместима с идеей души, по крайней мере понимаемой как нечто невидимое, неделимое и потенциально бессмертное, – констатирует Юваль Ной Харари. – Такая целостность не может быть результатом пошаговой эволюции» [4, с. 126]. В то же время христианское представление о душе как о сотворённой Богом бессмертной нематериальной сущности человека [29, с. 132], носителя разума, чувств и воли, составной неотъемлемой частью которой у человека является бессмертный дух [30, с. 12], представляется вполне онтологически обоснованным. Для понимания смысла коэволюции важно осознать, что именно богосотворенная бесчисленная душа, заключенная в биологическом человеческом теле, смыкает собой величественное творение Бога – мироздание.

Однако не менее, а, возможно, и более важным по отношению к экологической этике является то, что в христианстве понятие «душа» неразрывно связано с понятием Спасения. Христианскую этику невозможно понять без осознания веры в Спасение и будущее вечную жизнь. Без этой веры мораль теряет свое экзистенциальное содержание и превращается в чисто утилитаристское понятие, характерное для современного общества потребления. Отвергая базовый постулат христианства о Воскресении, упомянутые выше экологические философы попадают в логическую ловушку. Потому что без этой веры невозможно формирование настоящей этики ответственности, о котором как о базисном основании коэволюционной стратегии пишет Магдасарян [7, с. 256]. Секуляристская экологическая этика – это негативная этика, основанная на запретах. По существу именно о таких запретах рассуждал Николай Моисеев, говоря об экологическом императиве как системе ограничений человеческой деятельности, системе запретов, выполнение которых необходимо для продолжения развития общества и его коэволюции с природой [31, с. 25]. Но, как показывает практика, одними только запретами всех проблем защиты окружающей среды решить нельзя. Хотя бы потому, что возможности контроля и наказания за нарушения всегда ограничены как на международном, так и на государственном уровне. Да и вообще, говорить об этике в собственном ее понимании в данном случае вряд ли возможно.

В этой связи важно обратить внимание на отличие христианских критериев морали, которое за-

ключается в том, что в соответствии с ними настоящее добро не делается из страха перед наказанием. «Богу угодно не принужденное, но совершенное по добродетели, – поучал Василий Великий. – Добродетель же происходит от произволения, а не от необходимости; а волеизъявление зависит от того, что в нас; и что в нас, то есть свободным» [32, с. 646]. В соответствии с наставлениями великих христианских учителей и святителей, только при таких условиях свободного выбора душа возрастает и возносится к Спасению.

Вот почему мы утверждаем, что коэволюция, то есть воссоединение человека с природой, возможна только через воссоединение человека и природы с Богом. Это утверждение предполагает внедрение в экологию человека положения о душе как данном Богом движителе к Спасению, который предопределяет нахождение позитивной морали, необходимой для коэволюции как восхождения к Богу. В данной связи весьма убедительными являются слова В. И. Вернадского: «Будущее человечества, как части единой системы биосферы, зависит от того, когда оно поймет свою связь с Природой (Богом, Духом, Высшим Разумом, Мировой Информацией) и примет на себя ответственность не только за развитие общества (к чему стремились все утописты), но биосферы в целом» [33, с. 382].

Выводы

Первопричиной кризиса современной экологической философии следует считать начавшееся в эпоху Ренессанса сначала отделение, а потом и противопоставление процесса познания мира и веры в Бога. Следование секуляристской традиции обусловило нарушение онтологического восприятия системы «природа-человек-общество» как единого Божьего творения, что в свою очередь и привело к аксиологическим перекосам во всех направлениях экологической философии. В социальной экологии это нашло свое выражение в огульной критике капиталистических общественных отношений и отхода от анализа этических основ сложившегося экономического уклада. В «глубокой экологии» это привело к возрождению мальтузианских идей и к низведению человека до уровня элементарного биологического объекта. В экологии человека, которая отстаивает концепцию коэволюции, это стало причиной противоречий в понимании ноосферогенеза как цели развития, а также в предложениях по мотивации духовного совершенствования как условия разрешения глобальных экологических проблем. Для преодоления указанных перекосов необходимо принять в качестве ориентиров дальнейшего развития экологической философии базовые положения христианского вероучения. Для социальной экологии это означает возвращение категорий христианской этики любви к Богу и ближнему, добродетели и самоограничения. Для «глубокой экологии» – подъем роли и значения человека как уникального Божьего творения, для которого ответственность за окружающую среду становится необходимым условием восхождения к Богу. Для экологии человека – признание существования бессмертной души, открывающей возможность Спасения.

Такое признание выступает мощным позитивным этическим мотиватором коэволюции и раскрывает ее цель как воссоединение с Богом. Возвращение экологической философии к христианскому мировоззрению и этике поможет ей выйти из онтологического, аксиологического и гносеологического кризиса и будет способствовать эффективной работе комплексных рекомендаций научного и морального характера, которые помогут предотвратить экологическую катастрофу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Devine M. Celebrity climate activists cheer coronavirus misery in name of environment: Devine. The New York Post. 2020. 22 Apr. URL: <https://nypost.com/2020/04/22/climate-activists-cheer-coronavirus-misery-in-name-of-environment-devine/> (Last accessed: 02.01.2021).
2. Билл Гейтс рассказал о вакцине для сокращения населения. УНИАН. 2013. 21 нояб. URL: <https://religions.unian.ua/religionossociety/854203-bill-geyts-rasskazal-o-vaktsine-dlya-sokrascheniya-naseleniya.html> (Last accessed: 02.01.2021).
3. Дэвис Н. История Европы / пер. с англ. Т. Б. Менская. Москва: Хранитель, 2006. 944 с.
4. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. Москва: Синдбад, 2019. 496 с.
5. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: Ymca-press, 1952. 246 с.
6. Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему / пер. с англ. А. Аксенова. Нижний Новгород: Третий Путь. 1996. 190с.
7. Мангасарян В. Н. Природа–общество–культура: основания коэволюции. (Философско-методологический анализ). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2011. 252 с.
8. Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and International Order from Grotius to Kant. Oxford University Press. 244 p.
9. де Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр. И. Малахова, В. Олейник, И. Иванян, Б. Воржцов. Москва: Весь мир, 2001. 560 с.
10. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Избранное. Образ общества / пер. с нем. В. Молосская. Москва: Знание, 1994. 285 с.
11. Франк С. Л. Религиозные основы ответственности. Путь. 1925. № 1. С. 9-30. URL: http://www.odinblago.ru/socialnie_voprosi/religioznie_osnovi/ (дата обращения: 16.01.2021).
12. Madsen P. Deep ecology. Enviromental Philosophy. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/deep-ecology> (Last accessed: 12.01.2021).
13. Naess A. Ecology Community and Lifestyle. Trans. and ed. by D. Rothenberg, Cambridge University Press (Reprint edition), 1993. 223 p.
14. Ильин И. А. О сущности правосознания. Москва: Парогъ, 1993. 235 с.

15. Обожение. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Обожение#>: (дата обращения: 16.01.2021).
16. Василий Великий, свт. Беседа 1. О сотворении человека по образу. Творения (в 6 т.). Т. 1. Москва: Благовест, 2008. 568 с.
17. Naess A., Sessions G. The Deep Ecology Platform. Foundation for Deep Ecology (FDE). 1984. URL: [http://www.deepecology.org/platform.htm#:~:text=1.,intrinsic%20value%2C%20inherent%20value\).&text=Humans%20have%20no%20right%20to,except%20to%20satisfy%20vital%20needs](http://www.deepecology.org/platform.htm#:~:text=1.,intrinsic%20value%2C%20inherent%20value).&text=Humans%20have%20no%20right%20to,except%20to%20satisfy%20vital%20needs) (Last accessed: 08.01.2021).
18. Василий Великий, свт. Беседа 2. О человеке. Творения (в 6 т.). Т. 1. Москва: Благовест, 2008. 568 с.
19. Marshall A. Ethics and the Extraterrestrial Environment. *Journal of Applied Philosophy*. 1993. Vol. 10. No. 2. pp. 227-236. doi: 10.1111/j.1468-5930.1993.tb00078.x.
20. Lovelock J. Gaia: A New Look at Life on Earth, 3rd ed. Oxford University Press, 2000. 314 p.
21. Kochi T., Ordan N. An Argument for the Global Suicide of Humanity. *Borderlands*. 2008. Vol. 3. pp. 1-21.
22. Norgaard R. Development Betrayed: The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future. London: Routledge, 1994. 318 p.
23. Gowdy, J. Coevolutionary Economics: The Economy, Society and the Environment. New York: Springer, 1994. 258 p.
24. Кутоманов С. А. Ноосферно-экологический императив в социоприродной целостности: философско-антропологический аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Белгород, 2005. 154 с.
25. Вернадский В. И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы. Проблемы биогеохимии. Вып. 2. Москва-Ленинград.: Изд-во АН СССР, 1939. 246 с.
26. Ноосфера. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ноосфера#>: (дата обращения: 14.01.2021).
27. Жернакова Л. Г. Экология в онтологическом измерении: дис. ... канд. филос. наук. Вятский государственный гуманитарный ун-т, 2008. 191 с.
28. Киселев А. И. Экология человека и гуманизм: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Санкт-Петербург, 2005. 430 с.
29. Душа человеческая. Библейская энциклопедия. 3-е изд. Москва: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. 768 с.
30. Душа человеческая. Богоподобная её сущность, нескончаемость, способности, действия и загробное состояние. Положительное учение православной Церкви и святых Отцов. Благословение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Кострома: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992. 160 с.
31. Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции. *Экология и жизнь*. 1998. № 2. С. 24-28.
32. Василий Великий, свт. Беседа 9, О том, что Бог не виновник зла. Творения (в 6 т.). Т. 1. Москва: Благовест, 2008.
33. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. Москва: Академический проект, 2014. 416 с.

POLITICAL SCIENCES

EFFECTIVE DESPOTISM IN THE TWENTY-FIRST CENTURY PARADIGM (The amount of reflection)

Krylov D.

*Doctor of philosophical Sciences,
Professor of the Department of International Law and International Relations,
TRANS-Baikal state University, Chita*

ЭФФЕКТИВНАЯ ДЕСПОТИЯ В ПАРАДИГМЕ XXI ВЕКА (Сумма размышлений)

Крылов Д.А.

*доктор философских наук,
профессор кафедры международного права и международных связей,
Забайкальский государственный университет, Чита*
DOI: [10.24412/3453-9875-2021-54-3-50-55](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-54-3-50-55)

Abstract

In the article, the author raises a question related to the assessment of the possibility of despotic political regimes to effectively exist in the post-industrial era. As a form of government that is rigidly focused on meeting the needs of ensuring autocracy, despotism is not associated with the goal of developing or transforming existing relations. At the same time, the described situation requires clarification of a number of problems that relate to understanding what despotism is in the XXI century and whether it has reached its limit. The author distinguishes between possible descriptions of such despotism as a hybrid, chimera, or simulacrum. It is noted that the third wave of democratization did not lead to the disappearance of despotisms, which continued to exist and are ready for revenge to prove their worth. The question here rests on how much the world has become different and whether nonlinear effects can make a new statement about themselves.

Аннотация

В статье автор поднимает вопрос, связанный с оценкой возможности деспотических политических режимов к эффективному существованию в постиндустриальную эпоху. Будучи формой правления, жестко ориентированной на удовлетворение потребностей обеспечения самовластия, деспотия не связана с целью развития или трансформации существующих отношений. Вместе с тем, описываемая ситуация требует выяснения ряда проблем, которые касаются понимания того, чем является деспотия в XXI веке и достигла ли она своего предела. Автор проводит различие между возможными описаниями такой деспотии в качестве гибрида, химеры или симулякра. Отмечается, что третья волна демократизации не привела к исчезновению деспотий, которые продолжили свое существование и готовы к реваншу, чтобы доказать свою состоятельность. Вопрос здесь упирается в то, насколько мир стал другим и могут ли заявить по-новому о себе нелинейные эффекты.

Keywords: Despotism, hybrid, chimera, simulacrum, cyclicity, limits of existence, inertia force, nonlinear effects, implosion.

Ключевые слова: Деспотия, гибрид, химера, симулякр, цикличность, пределы существования, сила инертности, нелинейные эффекты, имплозия.

Может ли деспотия быть эффективной? Оговоримся, что речь идет не о существовавших прежде деспотиях и тираниях, канувших в прошлое, а о той, которая является репликой автократического правления и опирается на некий опыт. Опыт этот весьма специфичен, но, он является хотя бы оригиналом, а то, что нам приходится сейчас обсуждать, выглядит неким симулякром, да простят меня те, кто терпеть не может постмодернизма. Ведь ничего своего здесь нет, а есть почищенные от пыли и грязи, но побитые молью, мундиры с золотыми галунами и эполетами, надетые на неблагородные тела, да требование уважения и трепета пред власть предержащими по факту их существования.

Я не склонен видеть в обозначенной проблеме, быстрого решения, которое следует просто принять

и прекратить всяческие разговоры, продолжив движение в будущее. Ведь именно линейности в этом существовании нет, а есть та самая цикличность, повторы и варианты повторов, бытие без перспектив. Все чем занимается деспотическая власть так или иначе всегда было связано с ее самосохранением и оформлением собственной тотальности. Деспот без слепого поклонения его величию и благоговения перед ним уже какой-то сомнительный правитель. Разумеется, что в прежние времена, всё это было достигаемо за счет обожествления властителей и борьбы с ересями. То есть, было проще, как и сами механизмы самовластия с их простыми решениями. В наши дни приходится бороться с иначекомыслием, порождаемым открытыми обществами.

Но для начала необходимо выяснить, являются ли деспотии типа Российской, так как речь идет в данной работе об этой стране, симулякрами, гибридами или химерами. О своей особенности в качестве особой цивилизации здесь любят постоянно повторять, что указывает на определенную неуверенность в таковом.

Так, идея политических химер принадлежит Льву Николаевичу Гумилеву, который описал формирование антисистем на примере Хазарского каганата. В ее основание положен внутренний конфликт из-за одновременного сосуществования несовместимых этносов, являющихся производной от различных суперэтносов. В данном случае речь шла о подчинении тюрков хазар евреям, которые стали правящим слоем в этой противоестественной химере. У самого Гумилева это звучит так: «Хазарам не за что было любить иудеев и насажденную ими государственность. Экономическое процветание Итиля не дало им никаких благ, а культура господствовавшего этноса была хазарам чужда и, более того, противоестественная для них». В итоге против евреев «поднялись и люди и природа» [3, с. 186].

В этих рассуждениях довольно большой момент надуманности, которую можно отнести и на счет антисемитизма автора идеи, но есть и рациональный момент. Соединение разнородных начал в рамках одного социума не может не приводить к росту внутренней напряженности. В той же России мы наблюдаем довольно устойчивую тенденцию к оформлению двух противоположных групп населения – правящего слоя и податного народа. Правда, в государстве до конца XIX проблему удавалось решать за счет единой для всех религии – православия, а в советское время – используя идеологию. В современной России такого инструмента нет, и образ химеры проступает со всей своей очевидностью. В качестве аналогии можно было бы сослаться на более примитивную систему социальных отношений, которая сложилась в Руанде с искусственным разделением на хуту и тутси.

В постсоветской России считающиеся более продвинутыми в цивилизационном плане чиновники и обслуживающие власть социальные группы рассматривают себя в качестве правящей элиты. Немаловажную роль выполняют клановые и им подобные отношения. Государство и власть объявлены ценностями в себе. Социальные лифты находятся под строгим контролем. В отношении податного населения постоянно принимаются на законодательном уровне различные ограничивающие, предписывающие и запретительные законы. Эта политика сравнима с той, которую проводил царизм, стремясь закрепить крестьян. В перспективе можно было бы ожидать возвращения к сословному делению общества.

Тем самым, можно говорить, что российская химера иная. Она является производной не различных суперэтносов, а сформирована на социальном уровне из одного народа. Как написал по этому поводу Борис Акунин: «В России живут бок о бок два отдельных, несколько не похожих народа, и

народы эти с давних пор люто враждуют между собой. (Чтоб он провалился, византийский орел с двумя головами – шизофренический символ, выбранный Иоанном Третьим в качестве герба нашего государства). Есть Мы и есть Они. У Нас свои герои: Чехов там, Мандельштам, Пастернак, Сахаров. У Них – свои: Иван Грозный, Сталин, Дзержинский, теперь вот Путин. Друг друга представители двух наций распознают с первого взгляда и в ту же секунду испытывают приступ острой неприязни. Нам не нравится в Них все: как Они выглядят, разговаривают, держатся, радуются и горюют, одеваются и раздеваются. Нас тошнит от их любимых певцов, фильмов и телепередач. Они платят Нам той же монетой, и еще с переплатой» [1].

Образно, но верно подмечено, в том числе и про странный герб, который снова символизирует государственность в России. Дополнить это можно указанием на странный гимн страны, который был переделан из советского, то есть эпохи, которая за исключением Победы в Великой Отечественной войне, в основном критикуется. Такой коллаж из избранных элементов истории указывает на то, что собственного лица у наступившей эпохи нет, а образ химеры имеет право на существование, но, по всей видимости, не позволяет получить полноценного представления о политическом теле. Поэтому я и обратил внимание на термин «гибрид», который возможно больше подходит для описания сложившейся ситуации.

Третья волна демократизации поставила вопрос о том, что автоматический массовый переход от неэффективных авторитарных режимов к демократии не произошел, а лишь вызвал некие искажения. Парадигма транзита была в итоге дезавуирована, а на ее месте в той же России родилась фиктивная идея «суверенной демократии». Целый ряд стран попал в «серую зону», и как пишет Томас Карозерс, «так и не пришли к хорошо функционирующей демократии или, очевидно, не развивают и не углубляют прогресса, пусть даже незначительного, достигнутого на начальном этапе. В нескольких государствах первоначальное политическое открытие (opening) явно потерпело неудачу и авторитарные режимы снова укрепились» [5, с. 48]. На момент написания статьи у автора еще были сомнения в отношении России.

Показательно, что исследователь называет два основных синдрома для таких стран: бесплодный плюрализм и режим доминирующей власти. Россия была отнесена к странам с синдромом доминирующей власти, хотя и с оговоркой, что речь идет о ее периферийном положении: «Несколько "переходных стран", включая страны Южной Африки и Россию, находятся на периферии этого синдрома. Они имеют политические свободы, провели состязательные и в целом легитимные выборы (хотя острые дебаты по этой проблеме не прекращаются в отношении России). Однако управляются эти страны политическими силами, которые прочно захватили власть (если рассматривать переход власти от Ельцина к Путину как передачу, а не смену власти). Трудно в обозримом будущем представить

себе возможность прихода здесь к власти оппозиционной партии» [5, с. 54]. Как известно, оправдались самые худшие опасения и сегодня мы наблюдаем за разговорами об очередном преемнике для правителя страны.

Если кто-то и желает говорить о том, что та или иная страна так и не смогла стать демократической и «застыла» на той или иной стадии демократизации, то, думается, налицо будет возврат к прежнему состоянию. Естественно, что повторение будет иметь различие, а отсутствие кальки с некоего эталона прошлого лишь подтверждает идею о том, что все заверения о защите традиционных ценностей лишены исторического обоснования. Не случайно, что в свое время Владимир Сурков совершенно искренне заявлял о том, что «мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем что это такое» [Ремизов]. Знают ли они об этом сегодня? Едва ли, ведь им так и не удалось даже приблизиться к *legacy of traditional society*, а «духовные скрепы» не стали идеологическим метанарративом.

Естественно, что все это должно по идее способствовать формированию неких гибридов из прежде известного и заимствованного нового. Причем любые заимствования, скорее всего, будут носить внешний характер. Ведь для ориентированного на цикличность сознания именно повторение и будет иметь значение. Как отмечает Жиль Делез, бытие здесь «говорит о себе в одном-единственном смысле» и оно ориентировано на воспроизводство однозначности и тождественного [4, с. 61]. И если это так, то производство повторения должно перерабатывать любые изменения, низводя их до состояния прежнего единообразия, а любые аналогии с внешними иными формами бытия оказываются притянутыми.

Не случайно, что Лэрри Даймонд, обративший внимание на гибридные режимы, охарактеризовал их как «псевдодемократии». Задумавшись над проблемой классификации неоднозначных политических режимов, он акцентирует внимание на так называемом «электоральном авторитаризме»: «...термин “псевдодемократия” отчетливо переключается с современной эпохой, в которой демократия является единственной широко законной формой режима, и режимы ощутили беспрецедентное давление (международное и внутреннее) к принятию или хотя бы имитированию демократической формы. Практически все гибридные режимы в современном мире вполне сознательно псевдодемократичны в том смысле, что существование формально демократических политических институтов, таких как многопартийная избирательная конкуренция, маскирует (часто, отчасти, легитимирует) реальность авторитарного господства. Все такие режимы не имеют достаточно открытой, свободной и справедливой арены для борьбы, чтобы правящая партия могла быть легко отстранена от власти, если она больше не пользуется предпочтениями большинства избирателей» [11, р. 24].

С равным успехом можно было бы обсуждать существование мультипликационного котопса,

пребывающего в постоянном внутреннем конфликте. Появление подобной сущности как соединения демократии и автократии должно привести к гибели одной из составляющих. То есть, подобные гибридные режимы всегда будут носить имитационный характер, декларируя свою принадлежность или намерения до тех пор, пока это будет выгодно правящему автократу и его окружению. Демократические институты для них будут выполнять роль все тех же пресловутых «Потемкинских деревень». Поэтому и не имеет значения та степень либерализации или демократизации, которая позволяет автократическим правителям, чтобы выглядеть хорошими. Деспоты со времен Платона и его неудачного общения с тиранами Сиракуз нисколько не изменились.

Да, в определенной степени можно согласиться с Екатериной Шульман, что гибриды это авторитаризм на новом историческом этапе [10]. Вот только внутренней сути авторитаризма, кажется, этот новый исторический этап не поменял. Или изменения все-таки есть?

Думается, что да. Такие изменения есть, и они напрямую связаны с аутентичностью с воспроизводимым историческим означаемым, которое носит виртуальный характер. Именно с историческим означаемым, отмечу, не все благополучно, так как действующая российская власть так и не смогла восстановить ни одной линии на преемственность. То есть, нет такой связи ни с царским самодержавием, ни с авторитаризмом или тоталитаризмом советской эпохи. А все разговоры об историческом наследии и консерватизме, как писал Сэмюэль Хантингтон, оказывались призывом к истории, но без истории [9, с. 245]. Так что, как говорится, за неимением лучшего.

Возвращение во времена царизма для действующей власти оказывается проблемным из-за исторического разрыва, фатальных изменений в структуре общества, утраты хозяйственной основы и соответствующей им мифологии. Архаизация социума довольно сомнительное по своему результату действие и возможно пока лишь в разного рода альтернативных фантастических произведениях от записных патриотов. Более того, по сути, любые формы ограничения самодержавия, в том числе и в виде Государственной Думы, Совета Федераций и многопартийности, должны быть давно сняты. Возможно, что первым шагом к этому и стало появление в 2020 году в качестве государственного органа Государственного совета.

Возврат же в советскую эпоху или возрождение СССР 2.0 стали невозможными из-за разрыва с идеологическим обоснованием существовавшей прежде власти. Установка на развитие общественных отношений оказалась в противоречии со стремлениями к остановке и консервированию жизнедеятельности еще в прежние времена. Уже в эпоху застоя ритуалы получили ключевое значение, подменив собою любую спонтанную активность. Обращенность в светлое будущее стала избыточно проблематичной на фоне формируемого низкого горизонта событий. Поэтому, в определенном

смысле, можно говорить о близкой связи между нынешним политическим режимом и прежней деволюционной модели бытия времени заката СССР. Во всяком случае, стоит сказать, что у современной системы российской власти есть не только общая историческая традиция воспроизводства самодержавия, но и соответствующие корни. Из этих корней и оформился ствол нынешнего государственного анчара, плодами которого стали пресловутые симулякры.

В соответствии с пониманием сути этого явления, разворачивается масштабное воспроизводство себя как ценности и оригинала по факту своего существования. Они формируют мир из себя и для себя, замораживая бытие и лишая его внутренней жизненной силы. Ведь все, что они могут, это создавать сомнительного качества копии, где вместо авангарда пролетариата КПСС мы получаем придаток к исполнительной власти, – ручную «Единую Россию», гражданское общество подменяется «глубинным народом», отсутствие демократической традиции выдается за «суверенную демократию», а неспособность к формированию комфортных условий для жизнедеятельности объясняется либо происками извечных врагов, или особенностями духовного пути. Естественно, что и правитель тут совершенно случайная фигура, назначенная, а не избранная, увековеченная привычкой подчинения тех, кто так и не понял смысла свобода и прав человека.

Народ здесь, за редким исключением или по случаю выпадения из общей массы, фактически пребывает в матрице. Собственно говоря, это то самое молчаливое большинство, которое стало результатом разрушения длинных цепочек горизонтальных связей. Положительная идентичность оказалась подмененной деструктивными отрицательными формами, унижающими достоинство человека и иных народов. Об этом достаточно подробно рассуждает Фрэнсис Фукуяма, делая вывод о росте в наши дни значения культур мегалотимии (признание своей исключительности) и слабости культур, основанных на изотимии (уважение человеческого достоинства) [8, с. 20]. Внешний характер предлагаемой националистической идентичности не служит интересам социума, которому отводится роль статиста и покорного биоресурса. Собственно говоря, и социума со своими социальными интересами здесь уже нет, а есть лишь молчаливое поработанное большинство. И в этом плане деятельность симулякрационной модели автократии выглядит вполне успешной.

Впрочем, не все так просто. Деспот-симулякр не является пролонгацией своих предшественников, как и тот мир, который формируется вокруг него, рассчитан лишь на период жизни правителя. Не может он по собственному желанию изменить ментальные лекала-установки. Это тот диссонанс, который отравляет жизнь симулякров.

Инсценировка смысла имеет свои пределы и исчерпываема. Приходится постоянно напоминать о себе и том, что перед массами находится власть:

«Она ни в коем случае не хочет расставаться с иллюзией своей силы и замечать обстоятельство куда более опасные, чем негативные последствия ее, как кажется, тотального влияния на населения: безразличие масс относится к их сущности, это единственная практика, и говорить о какой-либо другой, подлинной, а значит и оплакивать то, что массами якобы утрачено, бессмысленно» [2, с. 19]. Это хорошее замечание, позволяющее понять несостоятельность всех попыток породить новый метанаратив для консолидации населения. Тот же культ Победы сегодня вызывает не священный трепет, а карнавальную нелепость и разговоры о победобесии.

Стратегии фатальны по факту авторства тех, кто не является отражением действительности, насилует ее и производит лишь собственные фантомы. Будущего больше нет, а есть некая его кажимость, которая в дополнение ко всему еще и опрокинута в кажимое прошлое. Оживить мертвое время нельзя, но симулякрам этого и не надо, они реконструируют прошлое из себя. Вот только это крайне бедное прошлое, созданное двухмерными сущностями. А выйти за границы созданного ими же существования в условиях низкого горизонта событий они не в состоянии по определению. То есть, возвращение в прошлое оказывается все той же иллюзией, а повторение оказывается сублимацией для снятия внешних напряжений. И, разумеется, защита этого искусственного прошлого оказывается более важной задачей, чем поддержание правового паритета и защита интересов живых людей.

Стоит обратить внимание на то, что нынешние властные симулякры возникли не из ниоткуда, а как некая новая форма уже существовавшего. Будучи производной от пост-тоталитарной партийной номенклатуры, ориентированной на защиту мифологического будущего, новая формация живет в другой парадигме, связанной с защитой мифологизированного прошлого. Но и тогда, и сегодня, они продолжают противостоять миру действительного. Поэтому они и не могут демонтировать машину репрессий, продолжая поддерживать инертное состояние масс, культивируя кажимый патернализм и неприятие любой инаковости. Это то устойчивое состояние, которое им необходимо для существования. И если бы не постоянное усложнение бытия, обеспечивающее приток внешней энергии, то эта система давно бы погрузилась в вечный сон или же испарилась.

Чтобы сохранять внутреннее спокойствие автократической системе приходится постоянно реагировать на внешние вызовы. Но именно они мешают процессу завершения существования, торжеству энтропии. А так как в нашем случае речь идет о существовании сверхмассивного политического тела, то его гибель с большой долей вероятности будет фатальной для населения. Импульсия приведет в итоге не к трансформации социума, а к направленному самоистреблению. Этот эффект можно наблюдать в периоды гражданских войн.

Поэтому, стоит предположить, что чем сильнее будет внутреннее давление со стороны политического режима, тем ужаснее будут последствия от имплозии.

Понятно, что самоограничения самовласти могли бы способствовать снижению давления, но это был бы нонсенс. Все на что власть предрежающие готовы пойти, – это имитации и строительство фасадов того, что они берут из мира открытого общества. Вместе с тем, даже этого бывает достаточно, чтобы породить некие нелинейные эффекты, пускай и незначительно, но меняющие исходный код. Отсутствие собственных аналогов появляющихся в открытом обществе институтов успеха, сформированных за счет роста информационных технологий, вынуждает искать нечто большего, чем создание муляжей или плохих копий. Тем более что вместе с заимствованиями проникают в охраняемый мир авторитарного универсума и идеи носителей множественных самостоятельных представлений.

Эта возникающая множественность просто переносится на уровень тех, кто считает принятие решений своей прерогативой. Борьба с альтернативными представлениями является ведущим нарративом для деспотической власти, где все должно быть подчинено иерархии властного произвола. Соответственно, в такой системе линейных предначертаний уже есть весомый элемент допущения, который нельзя учесть заранее. Иррациональные желания плохо укладываются в сетку линейной целесообразности. Зато они довольно неплохо объясняют смысл фразы о том, что «за все безумства царей, расплачиваются их подданные» (*quidquid delirant reges, plectuntur Achivi – lat.*) [6, с. 12].

Думаю, что такой вариант реализации выбора и делает его частью Хаоса. И здесь необходимо пояснить, так как понятие хаоса в социальных системах всегда будет носить субъективный характер. Неопределенность в происходящем мешает сделать адекватные выводы о последствиях. Необходимо также учитывать и способность социального тела к регенерации, которая откладывает разрушительные процессы. Испытание этой способности за счет привносимых волюнтаристских действий и приводит к тому, что внутренние связи теряют свою актуальность и эластичность, подвергаются деформации и рвутся. То, что прежде казалось твердью или целостностью, перестает быть таковой, а процесс разрушения однажды начавшись, может стать фатальным для существования конкретного социального тела. У закрытых систем, ощущение тверди или твердости и есть их самое слабое место.

Хтонические угрозы подобны злему року, от которого нельзя скрыться, подготовиться, и катастрофы могут произойти в любой момент, перечеркнув конструктивные идеи разума, надежды и ожидания. Тем не менее, знание этих угроз не мешает людям, скажем, селиться на склонах тех же вулканов и пользоваться преимуществами плодородных почв. Так и с присутствием тирана, власть которого до поры и времени может приносить ожидаемые блага и быть их символом. Пока ситуация

стабильная мало кто будет принимать в расчет побочные эффекты от предпринимаемых действий, в том числе и связанных с устранением тех, кто мог бы угрожать стабильности власти. Землетрясения тоже неприятны, но если они не несут с собою значительных разрушений, то на них не обращают особого внимания. Более того, к ним быстро привыкают.

Привыкание к слабым проявлениям негативного воздействия делает людей заложниками того, что они не смогут в нужный момент правильно среагировать на реальную угрозу. Это жизнь, лишенная осознания того, что в следующее мгновение Хаос заявит о своих правах и искусственные Космосы будут просто разрушены. Собственно говоря, это и будет итог от казавшихся слабыми нелинейных действий, не учитываемый побочный эффект. У такого фиксированного бытия нет, и не может быть иной актуализации, как приближение к своему концу. Ведь для того, чтобы адекватно реагировать на проявления Хаоса надо быть динамической, а не склонной к статичности системой. Так что трансформации, если речь только не идет о самоубийстве, здесь не избежать.

Ведь то, что случилось с СССР отнюдь не случайно. Крах потерпела система, утратившая динамичность и внешнюю цель, где все решения на заключительной стадии существования принимались ради сохранения мифической стабильности. Тогда же была продемонстрирована катастрофическая неспособность адекватно отвечать на те проблемы, которые не имели формально логических ответов. Собственно говоря, возвращаясь к теме симулякров, способных отвечать на цивилизационные вызовы уже не было. Они были способны только на жест и актуализацию себя.

В заключении позволю себе озвучить некоторые прогностические рассуждения, которые напрямую связаны с тезисом о зависимости авторитарных режимов от сохранения стабильности. То, что сегодня мы наблюдаем как некий реванш авторитарии, думается, вполне нормальное явление для тех социумов, которые держатся за традиции. Соответственно, такое ретроградное движение приведет их к состоянию глубокого застоя, которое мы видели в Советском Союзе, и, соответственно, упадку. Ведь им потребуется приложение все больших усилий по сохранению своей закрытости от внешнего мира. Естественно, что на это утверждение можно возразить и указать на опыт современного Китая. Замечу, что о правопреемнице СССР России речь уже не идет, так как здесь все усилия давно направлены не на общее развитие, а на сохранение авторитарической власти и подданных отношений.

В Китае произошел отход от легистской авторитарической модели, ориентированной на сильное государство и слабый народ. Провозглашенная Дэн Сяопином политика на обогащение, сделала китайское общество конкурентоспособным и мобильным. Вместе с тем, политические скрепы как бы обеспечивали сохранение авторитарической формы руководства страной. Сформулирован был и мета-

нарратив – «китайская мечта», призванная обеспечивать необходимую для единства нации идентичность. Вот только делать это становится все сложнее из-за быстро растущей разницы в уровне доходов населения. Руководству КНР, чтобы сохранить свои авторитарные позиции, придется искать пути по возвращению ситуации под жесткий контроль, где населению будет отведена прежняя роль пассивного биоресурса. Эпоха «реформ и открытости» (гайгэ кайфан) подойдет к предсказуемому концу. Начнется борьба с постоянно возникающими имплозиями, а цель самосохранения станет ключевой. Во множестве расплодятся новоявленные симулякры-хунвейбины. Как только это произойдет, превосходство демократии и либерализма вновь станет очевидным и привлекательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акунин Б. Разговор беллетриста с писателем // Блог Бориса Акунина / URL: <https://borisakunin.livejournal.com/107938.html> (Дата обращения: 02.01.21).
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
3. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. СПб.: Кристалл, 2001. 767 с.
4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
5. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42 – 65.
6. Панас Г. Евангелие от Иуды / пер. с польск. М.: Радуга, 1987. 248 с.
7. Ремизов М. Консерватизм сегодня: аналитический обзор // АПН. 27.01.06 / URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1748> (Дата обращения: 07.01.21).
8. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
9. Хантингтон С. Консерватизм как идеология // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 229 – 250.
10. Шульман Е. Что такое гибридный режим? // Открытый университет / URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5cd0a360178ebe00b3e7573d/ekateriny-shulman-chto-takoe-gibridnyi-rejim-5ce6642ebe7c5900b2967ddc> (Дата обращения: 09.01.21).
11. Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy, Volume 13, Number 2, April 2002, pp. 21-35.

№54/2021

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 24 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>